

ЭММА БУЯЛЬСКАЯ
ИГОРЬ БУЯЛЬСКИЙ

ОРЕХОВАЯ РОЩА

Моя Строка

Эмма Буяльская

Ореховая роща

«Моя Строка»

2019

Буяльская Э.

Ореховая роща / Э. Буяльская — «Моя Строка», 2019

В книгах Эммы показана реальная жизнь со всеми проблемами и вопросами, на которые находятся неожиданные в своей простоте решения. Сюжеты и сложные судьбы героев учат видеть настоящие причины трудностей взаимоотношений, общих для всех. Книги – это учебные пособия для тех, кто хочет понять своё предназначение в жизни и стать счастливым. Каждый найдёт себя в персонажах книг и получит хороший стимул к тому, чтобы принять себя в этом удивительном создании, каким является каждый из нас.

© Буяльская Э., 2019

© Моя Строка, 2019

Эмма Буяльская

Ореховая роща

Жила-была одна семья в раю. Райское место – это средняя полоса России. Хороший климат, все настоящее: и зима со снегом и морозами, и весна с дождями и ясными солнечными периодами, и лето с жарким солнцем для роста и созревания всех урожаев, и осень с прекрасным бабьим летом, с деловой подготовкой всего живого к зиме. Городок был небольшой, меньше 29 тысяч жителей, до областного центра около 50 километров. Может быть, городок был несколько захолустным, располагался не на перекрёстке больших дорог, не имел каких-то особых ископаемых или крупных предприятий, но и в этом было и что-то положительное: редко появлялись неизвестные люди, все друг друга знали – по детскому садику, по школе или училищу, по работе, по спорту. В таких городках все на виду, и поэтому соблюдаются более или менее традиции, все живут по определённым правилам.

Предприятия были, в основном, перерабатывающие сельскохозяйственную продукцию: кормили областной центр мясом, различными молочными продуктами, хлебобулочными изделиями, консервированными и в сезон свежими овощами и фруктами. Был ещё небольшой фармацевтический заводик, производящий свою продукцию из лечебных растений, разводящихся на специальных полях. Поставки продуктов и лекарств шли и в другие большие и маленькие города поблизости.

Революцию, продразвёрстку, раскулачивание, коллективизацию и другие социальные катастрофы пережили с минимальными потерями, отдали всё, но не пошли друг на друга с винтовками, дети не остались сиротами. Даже священников всех спасли, отправили на дальние хутора, в лесничества – сбежали, мол, от расплаты.

Управлял всем уже 18 лет городской совет во главе с бывшим кулаком, а на самом деле очень крепко стоящим на ногах хозяином. Сумел человек правильно оценить ситуацию в стране, взял на себя ответственность за всё происходящее, даже стал активным коммунистом. Руководил всем и вся, как отец родной: где разъяснениями, где уговорами, где со всей строгостью.

– Человек на то и человек, чтобы приспособиться к любым условиям, – говорил он. – Пришла беда, открывай ворота. Не бывает ни у кого и никогда таких условий, чтобы безмятежно и счастливо жили всю жизнь. Испытания тоже нужно с пониманием принять и пережить. Они нам даются, чтобы научились любить, ценить жизнь во всех проявлениях, чтобы могли быть счастливыми.

Всем уже казалось, что испытания прошли, что наступило мирное время – райская жизнь. Отличные условия для всех: достаточное количество рабочих мест, пединститут, музыкальное и медицинское училища в городе, фармацевтический, политехнический институты и университет в области. В городском культурном центре работали разные кружки и объединения, в парке каждую субботу и воскресенье играл духовой оркестр, работали клубы любителей шахмат, шашек, бильярда, шли тренировки и соревнования на спортивных площадках. Молодежь веселилась на танцплощадках, куда частенько в поиске подружек и невест приезжали курсанты военного училища, расположенного поблизости от города. Училище было престижным, готовило военных инженеров, конкурс для поступления был достаточно высокий.

Курсант Алексей Архипов в конце августа ехал из училища в город в библиотеку. Он только что вернулся из короткого отпуска из своей Сибири, до начала занятий оставалось 5 дней, можно было свободно покопаться в книгах, ну и просто прогуляться по парку. Он успел заскочить в уходящий автобус – шофёр притормозил и открыл дверь. Алексей с улыбкой поблагодарил шофёра, осмотрел салон автобуса, увидел одно свободное место и направился к нему.

У окна сидела девчушка, читала книгу и даже глаз не подняла, когда он стал устраиваться рядом. Он мельком глянул на страницу книги и вслух отметил:

– «Робинзон Крузо».

Девочка не сразу, а дочитав предложение до конца, кратко ответила:

– Да.

А Алексей пропал: сердце остановилось и куда-то ухнуло, всё вокруг исчезло и оглохло, он видел только необыкновенно светлые глаза своей соседки, которая спокойно и серьёзно смотрела на него. Не дождавшись продолжения разговора, она снова стала читать. Алексей с облегчением получил возможность снова дышать:

– Вот это да! А я раньше и не знал, где у меня сердце.

Он старался незаметно разглядеть её. Очень юная, лет 14-15. Красивая, (хотя они все в этом возрасте красивые), строгая (другая бы уже начала строить глазки).

Ехать нужно было минут сорок, пассажиры всю громко разговаривали, коротая время. Он тоже осмелился начать общение.

– Я курсант, меня зовут Алексей, – представился он. – У меня ещё 5 дней отпуска, поэтому без формы. А ты местная?

– А я Маруся, живу в городе, еду из пионерского лагеря домой. Работала там помощницей пионервожатой, – нашла она нужным объяснить, что она всё-таки постарше, чем отдыхающая в лагере пионерка.

Алексей снова восхитился про себя: другая бы назвалась Марией, или ещё круче – Мусей, как называли себя Маруси у него дома, считая имя Мария простоватым. То ли дело – Муся! Шик! Разговор начали с Робинзона Крузо, потом поговорили о других любимых книгах, об училище, о городе, о прошедшем лете. Когда автобус довёз всех до конечной остановки, Алексей взял в руки её багаж – небольшую сумку, которая лежала под сидением, и они пошли вместе к её дому. Про библиотеку он и не вспомнил. У калитки Маруся хотела взять у него свою сумку, но он осмелился спросить:

– А можно я к вам зайду?

Маруся чуть подумала, нашла это забавным, только спросила:

– А как я тебя представлю? Я забыла, как тебя звать.

– Алексей меня звать. Я курсант из училища.

Они прошли несколько шагов до террасы, из открытой двери дома вышла мама Маруси, и все застыли, глядя друг на друга.

– Мама, это Алексей, он курсант.

– Алексей! Архипов! – воскликнула мама. Она обняла Марусю и продолжила: – Знаю я его, он часто в библиотеку приходит.

Неловкость быстро прошла, все весело обсуждали происходящее сначала с папой, потом с бабушкой и дедушкой, которые оказались на удивление молодыми. В семье Алёшу встретили дружелюбно, и теперь все увольнения он проводил у них, покорённый теплом, любовью, светом, которые царили в семье. Мама работала в библиотеке, папа был главным районным агрономом, бабушка заведовала детским садиком, дедушка преподавал в университете, поэтому жили они в областном центре. Была у Маруси старшая сестра Нина, она была замужем и жила вместе с мужем в Подмоскowie. Другие бабушка и дедушка, родители отца, жили неподалёку, в Белоруссии, часто приезжали сами или принимали всю семью у себя. В то лето Марусе исполнилось 15, она перешла в 9 класс. После встречи с Алёшей она и думать ни о ком другом не могла, все школьные поклонники казались ей мальчиками по сравнению с её мужественным и взрослым Алёшей. Алексей учился последний год, на следующее лето должен был получить назначение на службу уже в качестве офицера. Проблема была в том, что Марусе надо было учиться в средней школе ещё 2 года. Разлука казалась неизбежной и добавляла остроты в их юношескую любовь, первую и у Маруси, и у Алексея.

Всё изменил новогодний праздник. Семья дождалась двенадцати часов по обычаю за столом, с последним ударом часов открыли все двери в доме, чтобы впустить новый год, потом вышли во двор поиграть в снежки, поздравили, конечно, друг друга с Новым годом с поцелуями и объятиями. Для Маруси и Алексея это был первый настоящий поцелуй, незабываемый и многообещающий, а не лёгкое прикосновение губами к щёчке, как было раньше. «Как в «Воскресенье» у Толстого, – подумала Маруся. – Только там была, кажется, Пасха». Разошлись по спальням под утро, часа в 4, все крепко уснули. Кроме Маруси. В своей комнате она долго сидела за туалетным столиком, глядя в зеркало, стараясь что-то угадать, увидеть в своих светлых глазах, потом вышла в коридор, куда выходили двери всех трёх спален: родителей, её и её старшей сестры Нины. Последняя спальня пустовала после замужества Нины. На Новый Год в комнате Нины остался ночевать Алексей. Все остальные гости под утро разъехались.

Это хороший вопрос – какая сила выталакивала её в коридор. В пижаме, с распущенными волосами, она сделала пару шагов и увидела Алексея, который стоял в коридоре в двух шагах от двери своей спальни. Они рванулись друг к другу, крепко-накрепко прижались, обнимаясь и целуясь. До этого момента Алексей изо всех сил старался даже не дотрагиваться до неё – малолетка ведь, минимум 2 года ещё нужно было ждать, пока созреет она для близких отношений. В таких случаях говорят: «Бес попутал». Но здесь кто-то очень добрый и благожелательный устроил эту красивую и чистую любовь.

Все эти мысли пришли потом, а пока размышления и раздумья разлетелись куда подальше, а осталась только первоизданная любовь и стремление слиться воедино. Утром Маруся проснулась в объятиях Алёши безусловно счастливая. Безусловно – это значит без всяких страхов или каких других негативных чувств и мыслей. Счастливая – и всё! Алексей был тоже безмерно счастлив, он впервые понял, почувствовал: эта девочка – всё, что ему в этой жизни нужно. Всё остальное – только декорации, на фоне которых будут развиваться дальнейшие события жизни: учёба, служба и всё-всё, что им обоим вместе нужно будет прожить. Только как сказать об этом родителям!? Какая у них будет реакция на это бесконечно дорогое для Алёши и Маруси событие?

Объяснение прошло как по маслу. Маруся решительно направилась к маме, которая возилась на кухне.

– Мама, я люблю Алёшу, и Алёша любит меня, – объявила она сходу.

– Как ни странно, – с улыбкой откликнулась мама, – но мы все это заметили. И что дальше?

– Эту ночь мы провели вместе...

Мама невольно ойкнула: «Ну не рано ли?»

– Конечно, рано! Но не раньше и не позже, чем у тебя и у бабули. Бабушке сколько было, когда она тебя родила? – спросила она и сама ответила: – 16 лет! А ты во сколько лет родила Нину? Тоже в 16! И хоть ты, хоть бабуля когда-нибудь пожалели об этом? Нет, вы обе были счастливые жены, счастливые мамы. И я тоже хочу родить в 16 лет дочку, такую же красивую, как ты, или такую же красивую, как Нина.

– Да раньше же было другое время!

– И я точно так же буду говорить своей дочке, когда она будет вся в нас, и тоже родит в 16 лет.

Пришёл Алексей и так радостно и счастливо покаялся: «Ну не устоял я...», что мама снова вздохнула и с некоторой гордостью проговорила: «Ну кто ж устоит перед ней!»

А когда и папа к ним присоединился, мама объявила:

– Подарок к Новому Году преподнесла нам Маруся. Замуж за Алексея собралась.

– Не рано ли?

– С нас, говорит, пример взяла.

– Всё так неожиданно, хотя, по правде говоря, к тому и шли ваши отношения. А ты что скажешь, Алёша?

– Я был бы счастлив и рад посвататься прямо сейчас, но знаю, что по закону мы не можем быть мужем и женой до её совершеннолетия. Если она и вы согласны, я прошу её быть моей невестой. Если у вас есть другие предложения, я готов всё принять, только чтобы мы были вместе.

– Ну что ж, Анна Васильевна, – обратился Николай Терентьевич к жене, – принимаем в семью ещё одного сына. Будем надеяться, что повезло всем нам. Нужно очень хорошо подумать, как правильно построить наши отношения, чтобы они были приемлемыми для окружающих. Школа, училище Алёши, друзья и подруги – всем до всего есть дело. Городок-то маленький. Будь Мария совершеннолетней, был бы только праздник, а теперь надо по возможности предотвратить всевозможные слухи и обсуждения. Ну что же, будем считать всё это помолвкой, большим праздником, хорошим зачином Нового Года. Празднуем!

Райская жизнь продолжалась. Алексей все увольнительные проводил в семье, Маруся училась в школе, они вели себя очень пристойно, редко показывались вместе в общественных местах, друзей и подружек не посвящали пока в свои отношения, поэтому пересудов почти не было. Сама Маруся понимала, конечно, что их любовь несколько преждевременно перешла в супружеские отношения, и очень бережно хранила свои тайны.

Однажды Маруся увидела удивительный сон. Она любила свои сновидения, пыталась их понять, ей казалось, что со снами ей приходит какая-то информация, особенно когда её сны сбывались. Этот сон отличался от других её снов своей чёткостью, яркостью цветов. Она стояла в открытом пространстве, со всех сторон был виден горизонт. Небо было покрыто тучами, только на западе пылал от заходящего солнца узкий просвет между тучами и землёй.

– Красиво! – любовалась Маруся.

Вдруг из этого просвета вырвался зелёный луч света. Он был толстенький, сантиметров пять в диаметре, и плотный. Набирая скорость, он стал стремительно приближаться к ней. Перед лицом остановился, от него отделились кусочки, которые сразу стали шариками. Один шарик вошёл ей в лоб между бровями, второй – в рот, третий – в горло, четвёртый – в область сердца, пятый – в солнечное сплетение. Маруся проснулась с необычным чувством и долго лежала, снова и снова вспоминая необычный сон.

Тогда она рассказала об этом сне только бабушке, которая очень серьёзно выслушала Марусю и сказала: «Я всегда чувствовала в тебе что-то необыкновенное. Разгадать твой сон я не берусь, но сон, безусловно, замечательный. Поживём увидим, к чему он».

Много-много лет спустя, общаясь с Кравцовым, которого называли русским Фрейдом, Маруся получила его толкование сна: «Ты получила посвящение, инициацию на мудрость, может быть на ясновидение, иногда так называют адекватный анализ, возможность доносить до людей информацию и любовь, с которой ты должна общаться со всеми. Поздравляю, моя дорогая, и предупреждаю: нужно очень беречь эти подарки Всевышнего и использовать только во благо людям».

А тогда в марте она радостно объявила матери:

– Мама, у меня будет ребёнок!

Анне Васильевне осталось только ахнуть. Снова все подумали-порассуждали и приняли решение: до окончания девятого класса, пока беременность не будет заметна, Маруся будет учиться в своём классе, а с сентября продолжит обучение в вечерней школе для работающей молодёжи, где до неё никому дела не будет, во сколько лет она собирается рожать. Там никому в голову не придёт сопоставлять её положение и возраст, а с остальными всё постепенно наладится. Каникулы до сентября она проведет вместе с Алёшей у дедушки с бабушкой, которые не знай как будут им рады. Алексей не хотел один, без Маруси, ехать в отпуск к своим родителям, а с Марусей ехать было небезопасно из-за её несовершеннолетия.

Всё так и прошло, как было задумано-запланировано. Беременность Маруся переносила прекрасно, училась, много гуляла, читала и мечтала, какой прекрасной мамой она будет. Алёша заканчивал учёбу в училище, ждал распределения и надеялся на чудо, что останется служить поблизости. Взять Марию с собой в какой-нибудь дальний гарнизон не было возможности из-за её несовершеннолетия. Он был на приёме у начальника училища, рассказал ему всё и просил по возможности помощи и содействия. Тот обещал подумать и в один прекрасный субботний вечер появился в доме Маруси, предварительно обговорив визит с её отцом на одном из областных мероприятий, где они оба присутствовали и даже были чуть знакомы – не один раз участвовали на таких совещаниях. Он был совершенно очарован Марусей и порадовал всех: в училище увеличивался прием курсантов, и по штату должен был служить ещё один взводный. Алёша как отличник будет иметь право выбирать место службы – так поощрялись выпускники с красными дипломами.

По всем бабушкиным приметам Маруся должна была родить дочку, и ей самой представлялся большой красивый бант, когда она думала о ребёнке. Роды прошли легко и безболезненно, и когда появился малыш, акушерка радостно сообщила:

– Мальчик! Такой богатырь!

Маруся изумилась и даже не сразу поверила, а когда показали сына, расплакалась от счастья и всё повторяла:

– Мальчик! Мой мальчик! Мой мальчик!

Казалось, счастью не было предела для всей семьи. Алексей и родители Маруси подали документы в райисполком с просьбой как исключение разрешить бракосочетание несовершеннолетней в связи с рождением ребёнка. Документы были подготовлены заранее, добавили только справку из роддома.

Через пару недель по решению исполкома брак был заключён, и ребёнок был зарегистрирован в ЗАГСе.

Алёша с радостью и мудростью принял, что Маруся всю свою любовь, раньше принадлежавшую всецело только ему, перенесла на сына Александра. Он любил их обоих, понимал Марусю и с удовольствием любовался ими обоими, удивляясь тому, как она сразу превратилась из девочки в прекрасную мать. Бабушки и дедушки, прабабушки и прадедушки, все ещё очень молодые для таких званий, наслаждались вместе с молодыми родителями этим прекрасным событием – прибавлением семейства очаровательным малышом.

Анна Васильевна научила дочь сразу определить для ребёнка режим ночного сна:

– Последнее кормление в 12 часов ночи. До 6 часов утро ни в коем случае не прикладывать ребёнка к груди. Ребёнок с момента зачатия до самого рождения был единым существом с матерью. При рождении он буквально отрезается от матери и вынужден приспособиться к новым условиям существования, чтобы элементарно выжить. Природа устроила этот период жизни для новорожденных предельно облегчённым – ребёнок первое время находится в состоянии сна, и мать должна быть предельно внимательной, чтобы помочь ему: обеспечить грудное вскармливание, при котором он снова как будто в единении с матерью, тесно к ней прижат и слышит стук её сердца, под звук которого он зародился, жил и развивался в утробе матери. В своей кроватке он должен находиться только когда он спит, а проснувшись, он сразу должен почувствовать присутствие матери: можно взять его на руки или просто приложить к его тельцу свои тёплые ладони и обязательно что-то говорить при этом, ласково и с любовью. После последнего кормления до 6 часов утра матери придётся просыпаться на какие-то звуки ребёнка, но из постельки его не брать. Можно тихонько спеть колыбельную песенку, поглаживая его руками, ласково проговорить несколько слов: спи, маленький, мама с тобой, всё хорошо и спокойно, во сне детки растут и скоро ты будешь большой, сильный и красивый и т. д. Если выдержать 5-10 ночей такого прерывания сна, новорожденный будет достаточно крепко спать,

и мать получит драгоценных шесть часов непрерывного сна, которых вполне достаточно для прекрасного самочувствия, здоровья и красоты этой сладкой парочки.

– Так были приучены твоя мама и тётя, Нина и ты, – поддержала маму бабушка. Маруся всё сделала, как надо, и удивилась ещё, как быстро и бесппроблемно её сынуля принял этот вариант. Всё было в радость и удовольствие для всей семьи. Маруся снова пошла в свою вечернюю школу, которая находилась недалеко от дома, сбегала с одного из уроков, чтобы не пропускать кормления, и все это принимали и создавали ей все условия. На дальнейшее время было запланировано оставлять ребёнка с 6 месяцев с Марьяной Яковлевной, давней подругой матери. Они были приблизительно одинакового возраста, почти одновременно вышли замуж, родили детей и вместе воспитывали их, оставляя друг другу при необходимости на любое время. И весело было и полезно. Марьяна так и осталась домохозяйкой, хотя они обе закончили библиотечный факультет Института культуры, и Анна, получив диплом, стала заведовать городской библиотекой. Марьяна и её муж были из прибалтийских немцев, чьи предки ещё в царские времена переехали в Россию. Потомки тех переселенцев давно обрусели, даже числились русскими по документам, но, на всякий случай, осторожно своё иностранное, так сказать, происхождение не афишировали. Дома было принято разговаривать только по-немецки, чтобы дети знали язык бабушек-дедушек. Для Анны было полной неожиданностью, когда она случайно услышала, как её девочки свободно по-немецки общаются с двумя сыновьями Марьяны. К первому классу все автоматически перешли на русский язык, а с пятого класса в школе преподавали немецкий как обязательный иностранный язык, и все четверо детей, Анины и Марьянины, грамотно и свободно говорили по-немецки. Маруся после окончания школы поступила в иняз, на факультет английского языка, а немецкий снова продолжала изучать как второй обязательный иностранный язык.

Алексею выделили комнату в офицерском общежитии с перспективой получения вскоре полноценного жилья. В свободное от учёбы время – в субботние, воскресные, праздничные дни и на каникулах – Маруся с Алёшей и сыном жили в этом общежитии, а в остальное время – в родительском доме, где были идеальные условия для ребёнка и учёбы Маруси.

Сам Алёша служил. Этим словом всё сказано: в 6.30 он должен был присутствовать на подъёме курсантов своего взвода, контролировать, а то и принимать участие, во всех утренних режимных мероприятиях – в упражнениях с хорошей физической нагрузкой, умывании, переодевании, приёме пищи – всё это по минутам. На время учебных занятий курсантов – ведение документации, планирование учебных тренировок, контроль за выполнением заданий. Зачастую приходилось во время часов самоподготовки ещё и ещё раз доводить до некоторых ребят то, что они не успели или не смогли понять на лекциях. Всего не перечислишь, в общем – отвечать за всё, включая настроение, настрой на будущее, отношения с невестами, родителями, взаимные понимания или непонимания, решение проблем любого рода. Одним словом – отец-командир. Отбой у курсантов был в 10 часов. После этого взводный мог заняться личной жизнью, и то если не было тревог или других внештатных мероприятий.

Таким образом, встречи с семьёй были не каждый день, молодые успевали с удовольствием и радостью заниматься своими делами, скучали друг по другу и еженедельные совместные дни с вечера пятницы до утра понедельника, когда Маруся с ребёнком приезжала к Алёше, были для всех праздником.

В конце сентября – начале октября ждали нового прибавления семейства. Маруся сдала экзамены за второй курс института, Алёша ждал окончания семестра у своих курсантов, после чего он получал отпуск, и они планировали поехать на каникулы к родителям Алёши.

Но... человек предполагает, а Бог располагает. Хотя то, что началось в конце июня, вряд ли было расположением Бога. Рай был взорван в буквальном смысле этого слова. Началась война. Наступление германских пятимиллионных войск сразу на трёх фронтах против трёхмиллионной Красной армии в первые дни войны было неожиданным и стремительным. Немцы

не смогли всё-таки реализовать свои планы за сорок дней взять Москву и за четыре месяца полностью разгромить РККА – рабоче-крестьянскую красную армию. Для них было тоже полной неожиданностью яростное сопротивление армии и всего народа. Но в Белоруссии, на Украине, в Ленинградском направлении наступление фашистов остановлено не было. Немецкие моторизованные части продвигались вперёд до 80 километров в день. Уверенность, что врагов вот-вот вышвырнут за границы, быстро испарилась. Уже были призваны в армию мужчины 1905–1918 годов рождения, создан Совет по эвакуации. По радио уже передавали: мы потеряли за день 850 самолётов, 900 танков, 15000 без вести пропавших и пленных.

Из Белоруссии, спасаясь от войны, приехали дедушка и бабушка со стороны отца, проездом из отпуска в Крыму вынужденно застряла у родителей старшая дочь Нина. Алёша и муж Нины уже воевали, Николай Терентьевич работал в комиссии по эвакуации и не появлялся дома. Приехали и родители Анны Васильевны из областного центра. Там война вплотную ощущалась – город стоял на пути к Москве, и его срочно, всеми силами готовили к обороне. Растерянные дедушки не могли ничего предложить и предпринять, женщины не могли прийти в себя, от беспощадной реальности, все старшие тревожились за маленького Сашу. В воскресенье появился на пару часов Николай Терентьевич, чтобы подготовить всю семью к известию об эвакуации в течение недели, и в это же время заскочил домой Алексей, командированный в городской военкомат. Новобранцы, которыми он должен командовать, уже сидели в вагонах. Только успев едва поздороваться с родственниками, он уже тут же простался с ними. Маруся вышла проводить его. Он нёс на руках Александра, обнимал Марусю и страдал от того, что он вынужден просто бросить её, беременную, с маленьким ребёнком, на произвол ох какой недоброй судьбы, не может их защитить, спасти. Маруся чувствовала, что больше не увидит Алёшу, и просталась с ним навсегда. Они отошли от дома довольно далеко, когда услышали гул бомбардировщиков. Это Алёша определил, что это бомбардировщики. Город ещё не бомбили, и Маруся ещё не знала, что это за гул. Бомбили эшелоны на станции. Алексей потянул Марусю к огромной бетонной афишной тумбе, за которой можно было спрятаться. Поближе ничего другого подходящего не было. Пока они до неё добежали, стало тихо. Самолёты отбомбились и улетели. Алексей отдал ребёнка Марии и помчался к дому, предчувствуя что-то страшное. Вместо дома дымилась огромная воронка. Он огляделся, безумно надеясь на чудо – вдруг они тоже все вышли, спрятались и остались живы. Потом понял, что все погибли. Вернулся к перепуганной Марусе.

– Тебе туда нельзя! – он крепко её держал и говорил страшные слова: – Там все погибли. От дома не осталось ничего.

Мария отказывалась понимать, что он ей говорил, потом вдруг, как бы проснувшись, прижала к себе Александра и стала бессвязно выкрикивать:

– Какое счастье! Какое счастье! Мы остались живы! Санька жив! Бог послал тебя, а то бы мы тоже погибли. Какое счастье, мой сынуля жив! Боже, что я говорю, ведь они все погибли, их нет! Спасибо, Алёша, сын остался жив!

– У неё, бедной, в голове помутилось. Что же делать? Она в одном сарафанчике, лёгкие босоножки, ни документов, ни денег, а я должен быть на станции, что случилось с новобранцами ещё неизвестно.

Он повёл её в военкомат: военком был хорошим знакомым её отца, Николая Терентьевича. Кратко, телеграфно доложил ему о гибели всех родственников, о состоянии Маруси. Архив военкомата, в котором находилось личное дело лейтенанта Архипова Алексея, был готов к эвакуации, всё было запечатано и погружено в грузовик, который вот-вот должен был отправлен в тыл. Военком вызвал писаря, приказал срочно подготовить справки о том, что Маруся является женой лейтенанта Архипова, о рождении сына Александра, третью справку, что дом, в котором она проживала, разбомблен; ещё справку, что она на шестом месяце беременности, и ещё справку, что она окончила первый курс иняза. Все справки подписали сам

военком, лейтенант Архипов и писарь. Свою подпись Алексей оставил ещё на чистых листах: он обязан был быть на станции. Он надеялся, что ещё сможет вернуться, чтобы сделать для семьи что-то, но не вернулся.

Совсем незнакомая женщина принесла для Маруси и ребёнка кое-какую одежду и обувь. Перед прощанием Алексей дал ей солдатский вещмешок с несколькими комплектами офицерского сухого пайка, котелок, кружку и ложку. В ближайшем доме Мария переоделась. Хозяйка помогла ей снять серьги, кольцо, цепочку с кулоном – всё из одного гарнитура старинной работы, украшенного жемчужинами, окаймлёнными бриллиантками. Это был бабушкин подарок на рождение первенца.

– Подаришь потом своей внучке или жене сына на рождение внука, – такими словами сопровождала она тогда свой подарок.

Все украшения были нанизаны на ленточку и крепко-накрепко привязаны к бретелькам лифчика. Хозяйка несколько раз сказала Марусе, которая находилась в шоковом состоянии и просто не видела этих мелочей:

– Береги эти безделушки, они тебе ещё пригодятся.

Справки туго-натуго свернули, поместили в лёгкую маленькую сумочку на длинном ремешке, который перекинули через шею и для безопасности и сохранности спрятали сумочку под одеждой. Денег собралось, кто сколько дал: Алёша, военком, другие офицеры, незнакомые люди. Марусю посадили в кабину грузовика, увозящего архив в безопасное место. Глядя на неё, с вещмешком на спине, с одним ребёнком за руку, вторым – в утробе, в чужой не по размеру одежде, с сухими отсутствующими глазами – ну просто воплощение женского горя, безвыходности, страха, незащищённости – военком сказал-попросил-приказал:

– Маруся, приди в себя! Ради сына, ради детей! У них больше никого нет, кроме тебя.

Она как будто очнулась и спросила:

– А Алёша?

– Ну сейчас же его нет с вами.

– Он больше не будет с нами. Я знаю! – и снова ушла в себя, в свой мир, защищаясь от страшной реальности.

Это была первая страшная военная трагедия в городе, все жители впервые увидели, какое ужасное у этой войны лицо. Потом привыкли терять каждый день близких. Ко всему привыкают люди, и только после войны, подсчитывая цену победы, снова были потрясены: в город вернулся только каждый четвёртый из тысяч горожан, вставших на защиту страны, из военного училища только трое остались живы.

Офицер, сопровождавший архивные документы, определил Марусю в областной эвакуационный пункт и попрощался с ней. За это короткое время Марусе пришлось из милой, беспроблемной, весёлой девчущечки превратиться в женщину, ответственную за детей, за маленького Александра и ещё не родившегося. Эвакуационные мероприятия ещё не были отработаны, все вопросы были в стадии решения. Марусю с ребёнком на день-два поселили в гостинице. За это время поток людей, бежавших от войны, заметно увеличился, и первые вагоны с беженцами стали отправлять вглубь страны. Эти вагоны часто отцепляли от составов из-за первоначальных военных перевозок. Иногда эвакуированные по несколько дней ожидали на запасных путях дальнейшего движения, питание не было обеспечено; потом как будто вспоминали про них и тогда присылали походную кухню с кашей, и Маруся без конца с благодарностью вспоминала Алёшу, который снабдил её котелком, кружкой и ложкой, потому что большинство людей на ходу должны были измышлять, как, в какую посуду эту кашу получить, хоть в ладони. Кормила Маруся в первую очередь Александра, потом ела сама. Даже воду, которой споласкивала котелок, выпивала до доньшка – такая была голодная из-за беременности. Офицерские сухие пайки берегла, использовала только для питания Саши, ведь неизвестно было, что их ждёт впереди, а солдатский вещмешок таял не по дням, а по часам. Этот запас, навер-

ное, и спас их от голода, пока они добрались до тех мест, где уже работали какие-то пункты для встречи эвакуированных. Она потеряла счёт дням, когда они фактически были брошены на выживание.

На деньги, которые ей вручили перед отправкой, она смогла только несколько раз купить что-то на остановках. Беженцам не давали информацию, сколько времени их вагон будет стоять на запасных путях, поэтому было рискованно покидать вагон и бежать на станцию, где к этому времени в общем-то уже исчезли торговцы пирожками, варёной картошечкой с укропчиком, фруктами, а буфеты совершенно оскудели и предлагали только чай. К счастью, всё время было тепло, середина лета ведь.

Маруся стала отходить от потери близких. Русский язык-то какой! Стала отходить. То есть стояла рядом, близко, а потом стала отходить. До этой трагедии она была беззаботная, счастливая, уверенная в будущем настолько, что даже не думала о нём, о будущем, весело жила в поле любви, любила мужа и Сашу, себя, родителей, всех родственников, близких, знакомых и излучала такую любовь, что ощущение лёгкости и радости дарила всем, с кем общалась.

– Я такой уже не буду никогда. Эта Маруся умерла со всеми, – думала она. – Это чудо, что я вышла Алёшу провожать, и он нёс Саню на руках, это чудо – живой Санечка. И я осталась для него, он не может без меня. Это счастье, подарок судьбы, что дети остались живы. – Она крепко прижимала к себе Саню и чувствовала в животе второго малыша, которого ещё не родила.

Это счастье перекрывало весь негатив: горе от потери всех близких, страх, что осталась один на один с пустотой, в которой предстояло жить, чтобы вырастить детей. Она, восемнадцатилетняя, вчера ещё сама ребёнок, а сегодня – с одним за руку, второй в утробе, потерявшая всё и всех, без документов, без дома, без мужа. Он уходил, и она тогда уже знала: он не вернётся, и она ничего не будет о нём знать. Он даже не смог её с ребёнком посадить в кабину грузовика, увозившего последние военкоматские документы.

К концу июля их высадили из вагонов. Нужно было перебираться на другой берег реки, а мост был разбомблен. Переправляли людей на другой берег баржами, лодками рано утром до рассвета: бакены, указывающие путь, ночью не светились, чтобы не показывать противнику реку, днём могли бомбить. Это утро было началом второго самого страшного дня в жизни Маруси. Она с сыном была на палубе баржи, тесно заполненной людьми, в основном – перепуганными детьми, воспитанниками детского дома, основная часть которых была переправлена вчера. Внезапно налетели самолёты и стали расстреливать из пулемётов баржу и остальные судёнышки, перевозившие людей. Убили рулевого, и баржа беспомощно села на мель. Два самолёта один за другим заходили на цель и расстреливали детей. Уже было достаточно светло, баржа стояла неподвижно, и лётчики не могли не видеть, в кого они стреляют. Лёгкая цель, почему не пострелять.

Маруся стояла, с беспомощной яростью глядя, как ей казалось, прямо в глаза этим убийцам, пока они, отстрелявшись, не улетели. Безумие снова подкатило к ней: все на палубе были убиты или ранены, она увидела лежащего рядом окровавленного Сашу, дико и страшно зарычала, схватила его, и не сразу до неё дошло, что он жив. Она лихорадочно стала ощупывать его с головы до ног, потом поняла, что он в крови воспитательницы детдома, которая была убита и, падая, закрыла своим телом Сашу.

Потом она ещё много-много лет видела один и тот же сон: на неё, окружённую детьми, своими и чужими, налетают живые страшилища-самолёты с чудовищными пастями, полными огромных клыков. Они с железным хохотом: ха-ха-ха, ха-ха-ха-ха-ха – убивают всех вокруг, и Маруся с криком и плачем просыпалась. А тогда спасатели, совсем молодые ребята, которых ещё не призвали в армию, да несколько взрослых из эвакуированных, которые с берега видели всю трагедию, хотели переправить её на другой берег и передать в эвакуопункт, но обезумевшая Маруся крепко прижимала Саню к себе, совсем по-звериному рычала, рыдала и не подпускала к себе никого. Трапы для спуска с бортов баржи на лодки были аварийные, из каких-то канатов,

и спускать по ним беременную, не в своём уме женщину с ребёнком, сопротивляющуюся изо всех сил, неизвестно откуда взявшихся, было просто невозможно. Ребята позвали на помощь:

– Илья Маркович, помогите нам! Мы тут не можем справиться.

С кормы баржи поспешил к ним Илья Маркович, аккуратно переступая через тела погибших, и сразу понял ситуацию с Марусей. Он подошел к ней и со словами «Всё кончилось, девочка, всё кончилось» обнял её вместе с её сыном и огромным животом и стоял так долго-долго, пока она не пришла в себя. Снова пришла в себя ради детей. Илья Маркович, крепко держа её с Саней своими большими руками, осторожно повёл её к борту баржи, потихоньку говоря неважно какие слова, лишь бы она снова не отключилась. Возле трапа он уговорил Марусю посмотреть, как ребята переправят в лодку сначала Саню, а потом её. Но она доверила ребёнка только Илье Марковичу – такому огромному, доброму, заботливому, как её папа в детстве. Ребята подстраховали её спуск с двух сторон, а потом спустился в лодку Илья Маркович с её Санечкой.

Для эвакуированных было выделено помещение небольшой начальной школы, которая пустовала по поводу летних каникул. Здесь они должны были прожить в карантине 10 дней, прежде чем их отправляли дальше, в республики Средней Азии. Карантин был обязателен. Совсем недавно в одной группе эвакуированных вспыхнула какая-то инфекция. Врачей не было, лекарств не было, их просто изолировали в одном из классов. Один за другим они умирали от высокой температуры. Из 18 человек осталась в живых одна девочка, которую болезнь не затронула.

Кормили уже регулярно. Разносолов никто не ожидал, но питание было достаточным. Выдали кое-какую одежду, телогрейки – по вечерам было уже прохладно.

Маруся до конца карантина была под опекой Ильи Марковича и его жены Доминики Митрофановны. Во время ежедневной прогулки с ними Саня бежал безудержно вперёд, взрослые шли за ним, молча или о чём-то незначительном переговариваясь. Однажды к ним подошла немолодая женщина с корзинкой отборных фруктов – конец лета выдался необыкновенно урожайным, и сказала с лёгкой доброжелательной улыбкой:

– Не убивайся так, деточка. Всё проходит, и это пройдёт.

Илья Маркович представил её:

– Это наша несравненная Евдокия Гавриловна, певунья от Бога.

Евдокия Гавриловна с той же улыбкой кивнула головой и проговорила:

– Что да, то да, от Бога. – Голос у неё был необыкновенный: низкий, вроде с хрипотцой, но молодой. Говорила она неторопливо, как-то вкусно, окая и чётко выговаривая слова. Она всё время улыбалась, от неё исходило спокойствие, уверенность, доброта, которые были так необходимы всем этим людям, попавшим в беду, растерянным и несчастным.

Вечером, прогуливая Саню перед сном, она снова увидела Евдокию Гавриловну. Она сидела на скамеечке в школьном саду с книжкой на коленях и задумчиво, с той же лёгкой улыбкой, тихонько пела, почти проговаривая каждый слог:

Степь до степь кругом,
Путь далёк лежит,
Там, в степи глухой,
Замерзал ямщик.

Маруся остановилась, как вкопанная: эту песню выстукивали для неё колёса вагонов весь длинный путь неизвестно куда. Она присела около Евдокии Гавриловны, которая, спев речитативом свою песню до конца, стала развлекать Саню: хочешь, я тебе сказку расскажу? Или песенку вместе споём? Потом стали пальчики считать, потом хлопать в ладошки, и, наконец,

он уснул у Евдокии Гавриловны на коленях, прижавшись к ней всем тельцем. А она, довольная, стала негромко рассказывать о себе:

– Я ведь тоже красавицей была молодая, да ещё пела на радость всем. С мужем рано поженились, в 18 лет, вместе прожили 30, как говорится, в любви и согласии. А любовь-то была все 30 лет, до самой его смерти. Он работал трактористом, я медсестрой, жили в своём доме. Очень любил он меня, да рано ушёл. Совсем ведь молодой был, здоровый, жить бы да жить, но грипп перенёс на ногах и получил осложнение на почки. Так и оставил меня одну. Всё у нас было, только не дал нам Бог детей. Восемь раз я беременела, пять раз были выкидыши, один раз родила неживого, двух родила живых, но оба не дожили даже до двух месяцев. Я предлагала мужу уйти, взять в жёны другую, которая родила бы ему здоровых детей, но он даже слушать не хотел. А потом сам меня оставил одну. Так что не бывает абсолютно счастливых людей. Мы приходим сюда на Землю, чтобы душу свою совершенствовать, а это получается только через испытания или наказания. А то ведь все мы как быстро забываем огни и воды страданий, когда получаем медные трубы успехов, побед, торжества. И Бога-то по-настоящему вспоминаем, только когда плохо нам.

Они ещё долго сидели, каждая думая о своём. Сумерки были ещё длинными, а когда стало по-настоящему темно, подошёл Илья Маркович, осторожно взял на руки спящего Саню, и они все пошли спать.

На шестой день карантина Маруся вдруг увидела на той же скамейке в школьном саду Марьяну, свою няню, подругу матери. Она прибыла с другим потоком эвакуированных и сидела, отрешённая и уставшая, дожидаясь своей очереди для регистрации и решения дальнейшей судьбы, которую сами беженцы выбирать не могли. Встреча была неожиданной для обеих, она кинулись друг к другу, крепко обнялись, вздрагивая от рыданий и невыносимого горя и в то же время испытывая какую-то радость и облегчение от того, что встретили близкого человека. Марьяна не знала, что Маруся с сыном остались живы. Алёша тогда не пустил Марусю к воронке, которая осталась на месте дома, и предпринял все возможные в той ситуации меры, чтобы немедленно отправить её в безопасное место. Поэтому все соседи думали, что и Маруся с ребенком погибла вместе со всеми. Марьяна Яковлевна обнимала то Марусю, то Санечку и громко причитала:

– Деточки мои живы! Дети живы!

Все окружающие даже радовались, что Маруся встретила свою мать, и женщины даже прослезились. Потом, конечно, всё выяснилось, но Марьяна Яковлевна с Марусей больше не расставались. Мужа Марьяны в первые же дни войны призвали в армию как военного переводчика, мальчиков мобилизовали – оба были призывного возраста, она сама попала в первую волну эвакуации.

Илье Марковичу пришлось волей-неволей взять на себя заботу о них. Ещё несколько беженцев примкнули к этой группе, и все с надеждой и облегчением сделали его своим доверенным лицом. Он без лишних эмоций, вполне понятных у потерявших все жизненные ориентиры людей, договаривался с официальными представителями эвакуопункта, терпеливо объяснял своим подопечным ситуацию, и ко всеобщему спокойствию всё происходящее протекало в пределах нормы. Люди ведь – существа социальные, и они сразу при любых обстоятельствах ищут себе подобных и объединяются в союзы, клубы, команды, общества. . . Илья Маркович до войны преподавал физику в университете, никогда не служил в армии из-за осложнения после перенесённого в детстве полиомиелита. Он заметно прихрамывал и в своё время не смог даже водительские права получить. Вид у него был импозантный – высокий, крепкий, спортивный сорокапятилетний мужчина, лицом похожий на наркома Берию, и носил такое же, как у него, пенсне. Жена его, Доминика Митрофановна, работала в музыкальном училище, заведовала дирижерско-хоровым отделением и под стать мужу была крупная, высокая, со строгой причёской, со вкусом одетая. Оба они заметно отличались от остальных: не растерялись, не сломились

от потерь, приняли все тяготы эвакуации как неизбежную, но вполне переносимую переменную судьбы. Илья Маркович спокойно взял на себя ответственность за растерянных и ничего не понимающих женщин и детей и по мере возможности отстаивал их интересы, присутствовал на всех собраниях, где решались их дальнейшие судьбы. До прибытия в конечный пункт, считал он. Но в месте назначения при регистрации Илью Марковича неожиданно для него пригласили к наркому просвещения. Нарком коротко информировал Илью Марковича, что в республике возникла серьёзная проблема: мужчин-преподавателей призывного возраста мобилизовали в армию, женщины по мусульманским правилам, по которым ещё жило большинство населения республики, не должны работать. Девушек рано выдавали замуж, а семья мужа категорически запрещала не только учиться, получать специальность и работать, но и вообще допускаться очень ограниченно выходить из дома, почти всегда только в сопровождении кого-либо из женской части новой семьи. Поэтому стали приглашать на работу подходящих специалистов из эвакуированных. Кадровик, присутствующий при беседе, передал ему лист бумаги с напечатанным списком вакантных рабочих мест, в основном по школам, училищам, техникумам.

Илья Маркович сказал, что хотел бы продолжить преподавать в высшем учебном заведении и заканчивать учебник по физике, который он предназначал для старших классов средней школы, потому что полагал, что выпускники школ недостаточно подготовлены по этому предмету, чтобы успешно и эффективно усваивать программу ВУЗа.

– Я Вас понимаю, – сказал нарком, – и у нас в университете даже есть вакансия. Но мы просим Вас в это сложное для нас и для всей страны время помочь нам организовать приём эвакуированных. Другие наркоматы решают вопросы по своим профилям, а у нас – дети-сироты, детские дома, катастрофическая нехватка преподавателей, воспитателей. Вот сейчас детприёмники переполнены, прибыли новые вагоны с детьми, а мы не можем найти людей, чтобы принять их. Для трёх детдомов уже выделены помещения начальных школ за счёт организации вторых смен в других школах, передано имущество летних пионерских лагерей. Но даже для тех детей, которые прибыли с вашим поездом, мы не можем открыть эти детдома – нет директоров, воспитателей, штаты укомплектованы только на одну треть. Войдите в наше положение, подумайте о детях, возьмите на себя организацию этой важнейшей на данный момент работы. Обещаю Вам всякое содействие, работу в университете по совместительству и, если пожелаете в дальнейшем полностью перейти в университет, с благодарностью и полным пониманием отпущу Вас, только к тому времени найдите себе замену. А для адаптации к местным условиям я рекомендую Вам заместителя-хозяйственника, честного и ответственного человека, за которого я ручаюсь. Я бы с удовольствием назначил его директором, но он не имеет педагогического образования. Я думаю, до завтра Вам хватит времени, чтобы дать ответ на наше предложение.

Илья Маркович с кадровиком вышли из кабинета, обсудили все возникшие вопросы, и Илья Маркович отправился советоваться с женой. Самый главный довод в пользу позитивного решения для них обоих было то, что они за короткое время прониклись не совсем понятным чувством – то ли ответственность за группу людей, которая организовалась вокруг них, то ли желание помочь наркому, которые должен был решать тупиковые задачи: принять, разместить, обеспечить жизненно необходимые условия для сотен людей, в основном несовершеннолетних. Всё приходилось организовывать заново, практического опыта такого рода не было. Жильё! Питание! Трудоустройство для взрослых! Здоровье и безопасность детей!

Как бы то ни было, приказ о назначении Ильи Марковича Либмана директором детского дома № 11 был подписан на следующий день. Были учтены условия Ильи Марковича: первая группа – дети, с которыми вместе проходили карантин и добирались до места; дополнительный контингент воспитанников до 100 запланированных человек тоже за счёт эвакуированных; приём сотрудников на работу по выбору директора; разрешить как исключение проживание на территории детского дома сотрудникам из эвакуированных до получения ими жилья; питание

сотрудников детского дома организовать по месту работы, высчитывая стоимость этого питания из заработной платы. Сразу после подписания приказа Илья Маркович в эвакуопункте, где временно находились люди из поезда, объявил сначала детям, что он будет директором дома, в котором они будут жить. Сопровождающие их воспитатели останутся с ними, при желании, конечно. Потом обратился ко взрослым:

– Я назначен директором детдома, в котором будут находиться дети из нашего поезда. Сотрудниками детский дом не обеспечен. Я предлагаю желающим возможность поработать вместе. Нам нужны восемь воспитателей, обязательно с педагогическим образованием или незаконченным педагогическим – студенты любых курсов педвузов, медсестра, няни, истопник и другой персонал. Согласных я прошу проехать вместе со мной в трамвае № 4 до места нашей работы, чтобы там осмотреться и сделать выбор. Время не ждёт, организационная стадия должна пройти быстро и организованно, чтобы создать условия для приёма детей. Сопровождающим детей взрослым я предлагаю выбрать одну из вас на должность заместителя директора по учебно-воспитательной работе. Заместитель по хозяйственной работе уже есть. Все вопросы в детдоме. Выезжаем через час, встречаемся на остановке трамвая.

Сам Илья Маркович ещё вчера познакомился с Хашимом Умаровым, рекомендуемым ему на должность замдиректора по хозяйственной части, и вместе с ним осмотрел помещения и территорию детдома, организованного на базе небольшой начальной школы. Выбирать, конечно, не приходилось, но всё необходимое для проживания сотни бездомных детей плюс нескольких взрослых было обеспечено из имущества летних пионерских лагерей: кровати, столы, табуреты, кухонное оборудование, постельное бельё. Срочно была пристроена кухня к одному из классов, оборудованному под столовую. Было несколько подсобных помещений поменьше, пригодных для медпункта, складов, кабинета директора и т. д. Все санитарные удобства во дворе: умывальники, летний душ, туалеты. В республике ещё полностью отсутствовала система канализации, и только в нескольких новых домах, построенных перед войной, делались попытки внедрить достижения цивилизации в строительство.

Маруся, Марьяна Яковлевна и Евдокия Гавриловна с некоторым сомнением обсуждали новость, без всякой надежды на своё участие в работе. Евдокия Гавриловна – на пенсии, у Марьяны Яковлевны нет педагогического образования, она имела только диплом культурно-просветительного техникума по специальности библиотекарь, но не работала ни одного дня, была домохозяйкой. А кому нужна такая беременная работница, как Маруся, которая вот-вот родит, да ещё с ребёнком, да к тому же без документов? К ним подошла Доминика Митрофановна:

– Когда мы обсуждали, давать или не давать Илье Марковичу согласие на эту работу, мы думали и о вас. Илья Маркович – человек, ответственный не только за себя, но и за близких и вообще за окружающих его людей. Евдокии Гавриловне он без сомнения предлагает работу медсестры, Марьяне Яковлевне, я думаю, подойдёт работа кастелянши, ну а Маруся может работать до и после родов ночным воспитателем. Санечку зачислим воспитанником детского дома, как и других детей эвакуированных работников. До выделения жилплощади будем жить в детдоме. Особых условий там нет, но пережить это время невзгод возможность есть. Всё остальное зависит уже от всех нас.

Так началась новая история Ореховой рощи. На заднем дворе бывшей школы, а теперь детдома, росли несколько засыхающих от старости плодовых деревьев и три роскошных, в самом расцвете орешин. Позже детдомовцы узнали от местных жителей, что этим деревьям больше ста лет, а этот возраст для орехов – начало поры полного плодоношения, более 200-300 килограммов плодов в урожайный год. Деревья были высоченные, были видны издалека, и это место в народе называли Ореховой рощей. Деревьев было только три, но их раскидистые кроны на мощных стволах раскинулись на территорию с половину футбольного поля. Ещё до революции эти деревья были посажены по распоряжению бывшего хозяина этого места, и урожая оре-

хов были недоступны для всех и каждого. После образования СССР в многочисленных домиках и комнатках поместья была организована начальная школа, для которой была проведена некоторая реконструкция и даже построены четыре более или менее современные классные комнаты на 25 учащихся каждый. Классы выходили в широкий коридор, который называли залом и который использовался зимой в непогоду для проведения уроков физкультуры и который служил местом проведения разного рода общешкольных мероприятий. Администрация школы не очень была озабочена урожаем орехов, поэтому все, кому не лень, могли собирать орехи, которые деревья с облегчением сбрасывали всю осень. Эту школу вместе с Ореховой рощей отдали под детский дом.

Приехавшие на трамвае люди, изъявившие желание работать в детском доме, собрались в столовой. Илья Маркович без лишних слов начал кратко информировать всех о состоянии работы на сегодняшний день:

– Через три дня детдом должен быть официально открыт. В зависимости от контингента планируются 2 группы для мальчиков и 2 – для девочек по 25 детей в каждой. На каждую группу по штатному расписанию положены 3 воспитателя: два дневных и один ночной. Рабочий день – 8 часов, один день – выходной. Это по закону. Но в настоящее время всем придётся работать сутками. Надеюсь, что все понимают, что сейчас вся страна, начиная от партии и правительства, работает в таком режиме, чтобы обеспечить условия для победы. По штату предусмотрены также два заместителя директора: по воспитательной работе и по хозяйственной части. На них приказы я уже подписал: Калинина Руфина Тимофеевна и Умаров Хашим Умарович. Сейчас работа будет организована так: к Руффе Тимофеевне подойдут люди, которые будут работать воспитателями, остальные – в распоряжение Хашим-ака. Здесь не принято называть друг друга по отчеству, и такая форма общения принята по отношению к старшему уважаемому человеку. Опять же по штатному расписанию на каждую группу детей выделены две единицы МОП – младшего обслуживающего персонала. Это сторожа, уборщицы, истопники и т. д. Обязанности МОП определяются администрацией. Я, директор, работаю сейчас со всеми остальными: бухгалтер, секретарь, пионервожатый, медсестра. К концу дня должны быть подписаны все приказы о приёме на работу. Со дня подписания приказа начинает начисляться заработная плата. Обязанности секретаря временно исполняет Маруся, Архипова Мария Николаевна. Заявления о приёме на работу с резолюцией Руфы Тимофеевны или Хашима Умаровича принимает она, копию приказа получаете под подпись у неё. Маруся, тебе на эту работу два дня, потом будешь оформлять личные дела воспитанников. Хочу отметить, что тот хаос, в котором мы все оказались, начал структурироваться, и от каждого из нас зависит, насколько успешно этот процесс будет проходить. Завтра в 10 часов состоится первый педсовет. Присутствовать должны все. Кто будет питаться на месте работы, напишите заявление с поручением администрации высчитывать плату за питание из заработной платы. Это уже для отдельного приказа. Финансовая дисциплина должна быть строжайшая.

Педсовет начался ровно в десять. Илья Маркович внимательно и серьёзно оглядел всех собравшихся и объявил педсовет открытым.

– Протокол педсовета ведёт Архипова Мария. Присутствуют:

Калинина Руфина Тимофеевна, заместитель директора по воспитательной работе; Умаров Хашим Умарович, заместитель директора по хозяйственной части; Архипова Мария, секретарь на полставки и ночной воспитатель; Гоголь Софья Андреевна, бухгалтер; Антонова Евдокия Гавриловна, медсестра; Смирнова Мария Васильевна, Паканаев Лев Семёнович, Земель Иван Дмитриевич, Юнусов Толгат Фатыхович, Дроздова Екатерина Дмитриевна – воспитатели; Джаббарова Гульнара, пионервожатая; Умарова Назира-опа и Абдуганиева Мухаббат-опа – повара; Шварц Марьяна Яковлевна, кастелянша; истопник Бахтияр-ока; няня, уборщица Азиза-опа; сторожа-дворники – Евдокимовы Егор Степанович и Анна Тихоновна. Ещё вакантны должности воспитателей на 3, 5 ставки, не подобрали разнорабочего. Нас, взрослых

работников детского дома, будет больше двадцати пяти человек на сто эвакуированных детей, которые за короткие месяц-полтора увидели и пережили столько, сколько не каждому взрослому дано. На каждого взрослого по 4 ребёнка. Мы не можем стать для них настоящими родителями, папами и мамами; мы – это не только штатные воспитатели. Мы – это все без исключения работники детского дома. Дети обязательно будут искать среди нас людей, которые по каким-то их представлениям будут избраны ими взамен настоящих родителей. Мы должны научиться с любовью и пониманием откликаться на любые потребности каждого воспитанника, стать для них близкими людьми, родственниками, отогреть этих перепуганных детей, вернуть их к нормальной жизни. Это – наше предназначение, наша ответственность перед собственной совестью, перед обществом, перед будущим.

Нам придётся корректировать свою жизнь и работу в зависимости от условий школы, от погоды, от наличия или отсутствия подходящей одежды и обуви, от организации питания, от состояния здоровья детей, от занятости спортом, от взаимоотношений с нами и со сверстниками. Одним словом, работа предстоит творческая, я жду от вас сотрудничества, предложений по всем вопросам. Каждый из вас должен в первую очередь сам определить круг своих обязанностей по обеспечению жизни, здоровья, безопасности детей.

Сейчас я представляю коллективу администрацию. Я работал заведующим кафедрой в пединституте, наш контингент был – студенты старше 17 лет, с маленькими детьми мне предстоит работать первый раз. Не военнообязанный из-за перенесённого в детстве полиомиелита. Моя жена работала в музыкальном училище, здесь ей уже предложили аналогичную должность. Наш сын – военный врач, хирург, работает, конечно, в госпитале. Руфа Тимофеевна, вам слово.

– Я работала воспитателем в детском доме, с которым была эвакуирована. Завтра будем принимать детей, которые остались живы после обстрела на переправе. Мы, часть детей с воспитателями, – Руфа кивнула в сторону сидевших вместе эвакуированных коллег, – успели переправиться, остальные попали под обстрел и почти все погибли. Маруся с ребёнком тоже была на той переправе и чудом осталась жива. Мой муж – морской офицер, воюет, конечно. Сын Серёжа, 12 лет, со мной, играет сейчас на площадке с другими нашими детьми. Временно будем жить на территории детдома. По предложению Ильи Марковича мои коллеги рекомендовали меня на должность заместителя директора по воспитательной работе. Мы все с полной ответственностью готовы выполнять свою работу.

– Другой заместитель директора по хозяйственной части – Умаров Хашим Умарович, Хашим-ака, как принято здесь обращаться ко взрослым уважаемым людям.

Хашим-ака коротко, спокойно и уверенно доложил, что ему 45 лет, в армию не призывался по возрасту, работал завхозом в школе. Махаллинский комитет, общественная организация маленьких районов совместного проживания, просил его перейти работать в детдом, чтобы облегчить эвакуированным взрослым и детям процесс вхождения в местную жизнь, чтобы полностью исключить конфликтные ситуации. Он представил также свою жену Назиру, которая будет работать поваром со своей молодой помощницей Мухаббат. К женским именам принято добавлять слова опа, опаджан, что переводится как сестра и сестрёнка, значит, обращаться к ним следует Назира-опа и Мухаббат-опа. Им с женой Аллах не дал наследников, и они собирались взять на воспитание 2-3 детей, а теперь сама судьба распорядилась, и у них будет 100 сыновей и дочерей.

Потом медсестра Евдокия Гавриловна рассказала, что жила с мужем 30 лет, а после его смерти осталась одна, детей не было; перед пенсией поехала отдыхать по путёвке, а возвращаться было некуда, там уже шли жестокие бои. По возрасту она уже не состояла на воинском учёте как медработник, а сейчас какая пенсия – работать нужно.

Бухгалтер Софья Андреевна последние годы была домохозяйкой, воспитывала трёх детей. Муж работал главным бухгалтером на крупном заводе, потом его мобилизовали в

армию, она осталась работать за него. Объём работы для неё был слишком большой. Завод принял эвакуированное оборудование крупного предприятия вместе с рабочими и специалистами и теперь работал на оборону. Она перевелась в детдом. Софья Андреевна поддержала Илью Марковича, что все сотрудники детдома несут ответственность за детей, и выразила готовность учить желающих воспитанников бухгалтерии, если кто-то из них выберет такую профессию. Местная, жить будет дома, может приютить двух-трёх человек из эвакуированных, но живёт далеко, на другом конце города.

Евдокимов Егор Степанович с женой Анной Тихоновной тоже были местные, жили с двумя взрослыми дочерьми, которых как медработников мобилизовали. Внуками они ещё не обзавелись, поэтому посоветовались и решили помочь беженцам. Дядя Егор, ещё крепкий мужчина лет 60, заявил, что все текущие ремонтные работы будет делать он, а жена Тихоновна желающих девочек научит вязать носки, шарфы, жилеты. Время у них не ограничено, будут с детьми, сколько понадобится.

– С остальными продолжим знакомиться завтра. Сейчас все на подготовку приёма детей. Хашим-ока, медсестра, повара на подготовку трёхразового питания; Софья Андреевна и Маруся отвечаете за приём документов, составление списков. Нужно составить анкету для данных по каждому ребёнку, раздать листочки с вопросами детям, чтобы они помимо документов сами записали всё, что знают и помнят о себе. Это под контроль воспитателей. Завтра мы должны сформировать четыре группы, которые будем пополнять за счёт новых поступлений. Детприёмники переполнены, и в течение двух-трёх дней мы получим весь контингент. Спальные места желательно определять, учитывая желания детей. Группы собрать в классных комнатах и провести знакомство, затем экскурсию по детдому. На этой работе должны быть задействованы все, начиная от меня. С кем каждый ребёнок выберет прогуляться по территории, тот и будет отвечать на все вопросы, выслушивать всё, что каждый найдёт нужным выговорить. Под контролем Евдокии Гавриловны проверить всех детей: температура, жалобы на плохое самочувствие, педикулёз и т. д. Бельё, одежда у Марьяны Яковлевны. Всем работникам, которые временно вынуждены жить на территории детдома, определиться с помещениями сегодня, чтобы завтра без собственных проблем заниматься только детьми. Отдельных комнат для всех, к сожалению, не хватит, придётся жить по двое-трое или вместе с воспитанниками, это в каком-то смысле даже хорошо для детей, а взрослым придётся потерпеть. Обещаю вам решить вопрос о выделении нам жилплощади в самое короткое время, насколько это будет возможно. Кому не подходят такие условия, можете отказаться, пока не поздно, я пойму и по возможности помогу устроиться на другую работу, более регламентированную. Вопросы есть?

– У меня вопрос, Илья Маркович, – встал со своего места очень серьёзный Лёва Паканаев. – Кому придётся жить вдвоём в одной комнате, может выбирать себе партнёра? – и при этом так выразительно посмотрел на Руфу Тимофеевну, что все рассмеялись и смеялись долго, освобождаясь, наконец, от напряжения, от того негатива, который до предела заполнил души собравшихся.

– Спасибо тебе, Лёва, за разрядку. Я думаю, что все поняли, какую роль ты будешь играть в нашем цирке. Роль, без сомнения, востребованная и благородная. И пусть наш смех будет сигналом того, что мы возвращаемся к нормальной жизни. А теперь, если позволите, я продолжу. Детприёмники задыхаются от поступления детей, не успевают обеспечить карантин. Сегодня мы принимаем 40 детей к 12 часам, ещё 20 – к трём. Напоминаю: максимум внимания, такта и заботы, сначала накормить, потом первое знакомство со взрослыми, с территорией, с помещениями, где нужно будет жить неизвестно сколько времени. Завтра утром линейка, подготовьтесь, объясните детям всё, что им непонятно. Ещё раз напоминаю: максимум любви, заботы и внимания, перед сном подойти к каждому, погладить по голове, поцеловать, пожелать спокойной ночи, чтобы было, как дома или почти как дома. Я вместе с вами, все вопросы будем решать на месте. И я забыл: у каждого из вас должен быть прикреплен к одежде на груди

бумажный прямоугольничек с чётко написанными вашими данными: фамилия, имя, отчество, должность, как у меня: Илья Маркович Либман, директор – чтобы все сразу знали, как обращаться друг к другу. Такие же листочки с булавочками приготовьте для детей. Это на 2-3 дня, потом мы уже все должны знать друг друга.

Три организационных дня пролетели быстро и бесппроблемно. Под девичьи спальни были выделены две классные комнаты с широкой и длинной террасой; комната гигиены, туалет, конечно неотопливаемый, были хорошо закрыты от любопытных глаз. Спальни мальчиков на другом краю территории. Вся канализация – выгребные ямы, которые предполагалось очищать несколько раз в году.

На очередной вечерней планёрке определяли, чем занимать детей. Возможности самого детдома были пока очень скромными в этом плане: бедная библиотека, оставшаяся после начальной школы, ещё более бедный ассортимент спортивного инвентаря, отсутствие детской площадки с качелями-каруселями, всего несколько комплектов настольных игр. Все понимали, что ждать каких-то пополнений не приходится, поэтому полагаться нужно только на фантазии и умения сотрудников и детей. Илья Маркович дал просьбу-задание одному из местных воспитателей через отдел народного просвещения выяснить адреса Домов пионеров, станций юных техников, разного рода детских студий, связаться с ними и предложить совместную работу с детдомовскими детьми. Во двор детского дома выходила задняя стена Республиканского художественного училища, поступило предложение наладить связь с соседями, организовать кружок на полставки, чтобы научить желающих детей заниматься лепкой. Почва на территории были глинистой, и дети уже сейчас без всяких кружков дружно лепили кому что хочется. Анна Тихоновна сказала, что с удовольствием будет учить желающих вязать, Маруся с Марьяной Яковлевной хотели организовать группу старших девочек для подготовки одежды к школе. На ближайшее время решили: договориться с кинофикацией о демонстрации фильмов по субботам, переговорить с каждым воспитанником, чем бы он хотел с интересом заняться, иметь информацию о репертуарах ТЮЗа, кукольного театра, драматического театра. Сотрудники детдома, которые будут работать с другими учреждениями, обязательно должны брать с собой несколько детей: учить их искусству делового общения, занимать интересными заданиями, знакомить с городом, в котором предстояло жить. На каждом этапе работы пробуждать инициативу ребят, замечать и развивать их способности и таланты. На завтра и послезавтра организовать конкурс на лучшее название детского дома. Выбор должны сделать сами дети. Гульнара, ты как пионервожатая должна получить полную консультацию по своей работе в горкоме комсомола и работать так, чтобы дети учились активно участвовать в общественной жизни. Подумай и предложи, как организовать пионерский костёр в честь открытия детского дома и присвоения ему названия.

Ночью, рассказывая своей Доминике о всех сложностях и проблемах начала работы, он сказал:

– Представляешь, когда я заканчивал своё выступление, я чуть не сказал, как всегда мы говорим: «Приступаем к работе с Божьей помощью», вовремя остановился, а потом целый день вспоминал и думал, с какими же словами я должен направлять людей на трудовые подвиги. Вот ты смеёшься, а какая бы была реакция у всего собрания, если бы я сказал: «Приступаем к работе с помощью ВКП(б), с помощью Всесоюзной Коммунистической Партии большевиков!»?

На первой же неделе жизни детского дома произошёл неприятный инцидент, закончившийся трагически. Илья Маркович попросил Марусю купить газеты. Киоск был рядом, только выйти из детдома и перейти дорогу. Маруся встала в небольшую очередь, спокойно думая о чём-то своём, не обращая особого внимания ни на кого и ни на что. Зато внимание обратили на неё: недалеко стояла группа великовозрастных местных подростков, ещё не призывного возраста, но уже не мальчиков. Увидев Марусю, они стали подчёркнуто громко что-то говорить,

явно что-то недопустимое в её адрес, подначивая одного из них, по-видимому самого задиристого и хулиганистого. Тот направился к киоску и около Маруси изобразил, что он споткнулся, не удержался на ногах и обхватил её своими лапами, якобы чтобы не упасть. Она вывернулась и, ни на мгновение не задумываясь, рефлекторно залепила ему пощёчину. Это была уже не шутка. Мужчина-мусульманин на глазах у всех получил оскорбление от женщины-чужачки, которых между собой иначе как проститутками не называли. Он медленно нагнулся, из мягкого летнего сапога достал нож и пошёл на неё. Она в упор смотрела ему в переносицу широко раскрытыми глазами, руки были сжаты, рот стиснут – и вдруг глаза её совсем округлились, выражение их изменилось: она увидела, почувствовала или поняла – просто невозможно подобрать подходящего слова для этого озарения – этот парень летит с высоты вниз головой, ломая шею, и замертво сваливается на берегу какой-то воды. Он тоже что-то почувствовал, потому что не смог больше ни шагу сделать к ней. Маруся прикрыла глаза рукой и неожиданно мягко сказала:

– Береги себя, парень! – развернулась и ушла.

Через пару дней он ехал на стареньком велосипеде по узенькой дороге с выбитым асфальтом, которая шла вдоль берега реки. Единственная природная речушка, протекающая мимо детдома, за века вымыла себе в глиняных почвах глубокое русло. Берега были очень высокие – 12-15 метров, покрыты густым кустарником. Навстречу велосипедисту по этой опасной дороге медленно полз переполненный автобусик, занимая всё пространство. Колесо велосипеда вильнуло на неровном покрытии, и парень кувырком вместе с велосипедом рухнул вниз, ломая кусты, ветки и свою шею. У берега он был уже мёртвым.

Сразу вспомнили инцидент у киоска, сразу, конечно, обвинили Марусю.

– Ведьма! – прозвучал приговор, и стала накаляться атмосфера вокруг детдома. Женщины, родственницы погибшего и специально нанимаемые плакальщицы, вопреки исламу, но по древнему обычаю, громко вопили, раздирая свои лица и выдирая волосы, проклинали шайтан-арбу, то есть велосипед – повозку дьявола, и Марусю, которая вдруг стала злым духом.

– Береги себя, – сказала тогда огорошенная своим видением Маруся.

– Берегись – так, может и не по злему умыслу, а по своему уровню понимания русских слов, передали свидетели того инцидента «угрозу» русской бесстыжей колдуньи, которая сама спровоцировала их замечательного друга-мусульманина на протест против наглых женщин с голыми руками и открытой шеей, с непокрытой головой. Если уж приехали сюда, пусть не выставляют свои бесцветные волосы и белые глаза. Парня в тот же день по обычаю похоронили.

Атмосфера накалялась, надо было что-то делать. А что? Илья Маркович пошёл на склад к Хашиму, умному и достойному человеку, который в такой ситуации мог подсказать правильное решение. Нужно было вживаться в новую среду, занимать своё место в чужом пространстве, не предъявляя никаких претензий и требований, а только благодаря местных за кров и хлеб, которыми поделились люди в это трудное военное время. Этот процесс начинался вполне благоприятно, благодаря Хашиму, которому Илья Маркович безусловно доверял, и несколькими работникам, взятым по рекомендации завхоза из местных. Но подобная ситуация была практически ожидаема и безболезненно закончиться не могла. Это был неизбежный этап процесса интеграции, когда прибывшие должны безусловно принять язык, культуру, обычаи, образ жизни принимающей стороны, но и внести свои достижения, опыт при условии органичного слияния и корректного сосуществования таких мощных пластов жизни разных народов. Хорошо, что это выяснение отношений не коснулось детей. Не пощадили же даже беременную на последних месяцах женщину. Это ведь правило таких игр – выбирать беззащитных, чтобы самоутвердиться.

– Что делать, Хашим-ака?

– Я сам думал об этом всю ночь, – Хашим перестал раскладывать по местам привезённые продукты. Они присели на ящики, поглядывая друг на друга, покачивая в раздумье головами. –

Она слишком красивая и беззащитная, и все будут делать попытки заполучить её. Проблем будет выше головы.

– Да знаю я. Она беременная, у неё маленький ребёнок здесь в детдоме, муж на фронте, документов никаких нет. Если мы с тобой её не защитим, действительно пропадёт. Нас переправляли через реку рано на рассвете, потому что ночью нельзя было фарватер для судов обозначать огнями бакенов, днём бомбили. Мостов уже не было, все более-менее крупные суда были разбомблены фашистами. Оставались катера да лодки, одна баржа. Часть беженцев успели переправить поздно вечером, уже затемно, а остальных планировали на завтра. А утром налетели самолёты и стали переправу расстреливать из пулемётов. Мы с другого берега всё видели. Они летели так низко, что лётчиков можно было разглядеть, и они не могли не видеть, кого расстреливали. Потом самолёты улетели, а мы на чём попало поплыли спасать тех, кто остался в живых. Так мы с Марусей встретились. Баржа села на мель, все были убиты или ранены, одна Маруся стояла в этом кровавом море. Она вытащила своего сына из-под тела убитой женщины, которая, падая за смертью на него, закрыла ребёнка от пуль. Больше сотни людей тогда переправлялись, а осталось в живых меньше двадцати. Остальные были расстреляны или утонули. Маруся была в шоке, не выпускала из рук ребёнка, на всех, кто пытался вытащить их из этого ада, по-звериному рычала и не подпускала к себе никого. Крыша поехала, как говорится. И не удивительно, ни один нормальный человек не перенесёт такого. А у неё это всё произошло на фоне того, что несколько недель назад практически у неё на глазах бомба попала в их дом, и погибли все родственники. Она с сыном тогда чудом остались живы. Она не могла есть и спать, говорила, что как только закрывает глаза сразу видит полусон-полуявь – живой фашистский самолёт в авиационном шлеме, со страшными зубами-клыками, ощеренными в сатанинской улыбке. Это существо расстреливает детей из пулемёта и хохочет зловещим смехом. Лётчик тогда не добил её, когда она во весь рост стояла на барже, застрывшей на мели. И этот парень не добил её ножом, остановленный её взглядом. Видно, Всевышний что-то предназначил для неё, и она должна жить, понять это и выполнить.

– Нужно идти в чайхану, – подумав, предложил Хашим-ака. – Там собираются вечером старики, и что они скажут, то и будет законом для всей махалли.

– Я не готов к этому: не знаю языка, не знаю обычаев, боюсь сделать что-то непоправимое.

– Это они боятся тебя, – засмеялся Хашим. – Тебе, наверное, говорили, что ты похож на Берию. Даже очки носишь такие, как у него. Да ещё ты такой крупный, большой, ходишь, как живой монумент, разговариваешь медленно, только глаза на лице живые, даже губы не двигаются. Как будто свысока со всеми разговариваешь. У нас таких боятся и сразу подчиняются, недалеко от феодализма ушли.

– Да это у меня после операции на челюсти и после детского полиомиелита, – начал оправдываться Илья Маркович. – Ещё подростком был, пока молчу – лицо нормальное, а как начинаю говорить, пол-лица как парализовано.

– Это неважно, почему, – продолжал посмеиваться Хашим. – Главное, что тебя все видят, признают и невольно побаиваются. Как будто ты имеешь право быть главным. Так что не бойся. Наш народ очень гостеприимный. Гостю обязательно предлагают чай. Почётному гостю подают пиалу – чашку для чая – на ладони правой руки, поддерживая локоть левой рукой и слегка наклоняясь. Чем почётнее гость, тем меньше напитка – здесь летом жара невыносимая, нужно много пить, а если чая слишком много, его пить невозможно, он долго остывает при жаре больше сорока градусов. Поэтому и наливают по одному-два глотка, чтобы быстрее жажду утолить. В чайхане нет столов и стульев, сидят на скрещенных ногах или полулежат на деревянных супах – помост типа очень большой и широкой кровати, застеленной коврами или стёгаными одеялами с бархатными подушками. В середине супы расстилают дастархан – скатерть – либо на низеньком столике, либо прямо на коврах-одеялах. У нас в чайхане – столик. Разговор нельзя начинать сразу. По этикету положено начинать беседу на общие темы: как здоровье, как

дети и другие домочадцы, какие новости и т. д. Я дам знак, когда можно говорить о детдоме. Тебе с твоим весом и без привычки будет трудно долго сидеть, поджав под себя ноги. Поэтому лучше возлежать, полулежать – Хашим показал, как лучше устраиваться за дастарханом.

– Просто римские патриции, – удивлялся Илья Маркович. – Тогда же ещё не было столов и стульев, поэтому на всех пиршествах тоже возлежали.

Потом Хашим-ока рассказал, как принято у мусульман, согласно Корану, относиться к беженцам, и даже показал, в какой части Корана предписываются правила. На следующий день ближе к вечеру Илья Маркович, взяв с собой вцепившегося в него Серёжу, отправился в чайхану. Серёжа, шестилетний дошкольник, ещё в то время, когда они проходили карантин, как только первый раз встретил Илью Марковича, кинулся к нему с криком «Мама!», и они долго-долго сидели, крепко обнявшись, без всяких выяснений и объяснений. Видимо, оставшийся вдруг без родителей ребёнок так настрадался от своей беспризорности и никому ненужности, что взял в свои руки ситуацию, так сказать, и как только почувствовал, что именно вот этот человек может защитить его от страшной непонятной реальности, так сразу и определил родственные отношения. Может быть, в прежней жизни и не было папы, или роль папы была незначительной, а мама была всем в его маленькой жизни, но он никак не хотел называть Илью Марковича папой. Другие маленькие дети смотрели на эту парочку с хорошей завистью, а ребята постарше объясняли Серёже, почему он должен называть Илью Марковича папой. Он соглашался с ними, громко, вслед за ними повторял: ПА-ПА, и сразу шёпотом исправлял такую несправедливость: ма-ма. В детском доме он уже называл его папой, и после этой истории все взрослые и дети за глаза называли своего директора Папой, а позже – наш Па.

Место для чайханы, где можно было отдохнуть от изнуряющего дневного зноя, было выбрано идеально: на берегу небольшого, метра на два шириной, канала, через который были уложены доски с расставленными на них супами. Земля вокруг с обоих берегов уже несколько раз была улита водой из канала. Деревья вокруг затеняли всё пространство от уже заходящего солнца. Было тихо и прохладно.

– Ассалом алейкум, – приветствовал всех Илья Маркович, приложив руку к сердцу. – Я директор детского дома, зовут меня Илья, фамилия – Либман, пришёл знакомиться с вами. Мы ваши гости.

– Это мой папа! – громко заявил вдруг Серёжа, как будто кто-то хотел забрать у него этого папу. Он крепко держался за крупную руку Ильи Марковича, с отчаянным вызовом смотрел на взрослых и вроде бы даже заслонял своей спинкой папу.

– У меня сейчас 100 таких сыновей и дочерей.

Лучшего начала для встречи и переговоров и нарочно бы не придумалось.

– Ва аллейкум ассалом, – ответил чайханщик, тоже приложив руку к сердцу и приглашая проходить. Здесь уже был Хашим-ока и ещё человек пять пожилых мужчин в белых национальных штанах по щиколотку и в белых же рубашках без воротников, раскрытых до середины груди; обувь стояла у входа. Чайханщик, подпоясанный цветным платком, сложенным углами, с посудным полотенцем, перекинутым через плечо, поставил на низенький столик ещё две пиалы с чаем для Ильи Марковича и Серёжи и тоже расположился на супе. Хашим-ока, конечно же, как-то подготовил людей к знакомству. И очень важно – все говорили по-русски. Серёжа прижимался к Илье Марковичу и поглядывал на стол со сладостями к чаю – нават (кристаллический сахар), изюм, порезанная на кусочки дыня на подносе.

– Ешь, сынок, – пригласил его самый старший седой Карим-ока.

– Ты мой папа? – удивился Серёжа.

– Почему? – ещё больше удивился Карим-ока.

– Ты назвал меня «сынок», – объяснил Серёжа.

Напряжение снялось, все невольно посмеялись, стали говорить Серёже, что старшие мужчины по обычаю могут называть его сыном, а он должен уважать старших, говорить им «вы».

– Тебе я тоже должен говорить «вы»? – спросил он у Ильи Марковича. Хашим-ока отвлек его: «Пойдём, я покажу тебе рыбок». И они ушли рука об руку смотреть на стайки мальков в канале, которые постоянно крутились в воде у чайханы, охотясь за крошками хлеба. А Илья Маркович докладывал старейшинам, что он директор детдома временный, что они с женой встретили детей на переправе, видели, как их расстреливали фашистские самолёты, как на одной барже встала беременная женщина лицом к убийцам, и они не могли не видеть друг друга, и лётчики, только что расстрелявшие детей и женщин, переправлявшихся на разных судёнышках через реку, вдруг увели свои самолёты, не добив её, единственную живую на той барже. Весь страх, который ей суждено за всю жизнь пережить, она тогда на переправе получила. Проснулись зенитки, спасатели стали искать, кто не убит, не утонул, кого ещё можно было спасти. Женщина нашла своего двухлетнего сына, окровавленного, но живого и невредимого – на него замертво упала расстрелянная сопровождающая детей воспитательница, она своим телом закрыла мальчика от пуль. Спасло их и то, что баржа оказалась на мели и не утонула. Это была Маруся, она была в шоковом состоянии, крепко прижимала к себе ребёнка, несколько дней не могла ни спать, ни есть, никому не отдавала сына. Переправляли тогда больше ста человек, в живых осталось 21. Сопровождающие все погибли, и им с женой пришлось помогать отхаживать оставшихся в живых, перепуганных насмерть, мокрых детишек. Раненых и погибших увезли, а остальных разместили в школьных классах на карантин. Привезли хлеба и кашу в походной кухне. Люди из органов народного образования метались, никто толком не знал, что делать, во что переодевать мокрых детей, как оформлять документы. Вечером затемпературили двое, утром больных было уже восемь. Объявили карантин, и Илья Маркович с женой и Маруся с сыном тоже попали на 10 дней в этот карантин. Пришла заведующая отделом образования, ответственная за эвакуацию, сказала, что железнодорожная станция разбита, ремонтные работы идут днём и ночью, а пока городок переполнен беженцами, которых негде разместить, нечем накормить, куда-то отправить. Она умоляла Илью Марковича взять на себя ответственность за детей до конечного пункта на юго-востоке, где всё для приёма детей подготовлено: помещения, воспитатели, одежда, питание.

– Я отказывался, потому что никогда не работал с детьми такого возраста. Но у них на тот момент вообще никого не было, кто хоть как-то был связан с педагогикой. Мы с женой дали согласие временно сопровождать детей, да так пока и остались с ними. Я в детдоме, она направлена для работы в музыкальное училище.

Старики уже слышали эту историю от Хашима, Илья Маркович тем не менее был выслушан со вниманием и сочувствием. После достаточно продолжительного молчания должен был подведён итог встречи.

– Сейчас время такое, что все народы несут наказание. Мы верим в Единого Всемогущего, стараемся жить по Его законам. У нас уважают старших, и что мы сейчас решим здесь, будет принято всеми в махалле. В Коране, сура 2 аят 20, предписано нам: «благодетельствовать сиротам – доброе дело». И ещё написано в Коране: «унижение и презрение к сиротам вызовет в них ненависть к общине и приведёт её к порче». Мы будем следовать Корану, будем благодетельствовать сиротам. Живите спокойно, много не обещаю, очень уж трудное время сейчас, но поможем, – мудро сказал за всех Карим-ока.

– А Маруся? – спросил Илья Маркович, – ведь не просто так сохранил Всемогущий её жизнь, когда она, беременная, с маленьким ребёнком, без документов прошла свой путь. Она не угрожала вашему юноше, а предупредила: «Береги себя», – сказала она, потому что во время конфликта ей было послано озарение, и она «увидела», как он летит с высоты и падает мёртвым

к воде. Я вижу ваше недоверие, и я сам не верю в это, но она рассказала об этом, придя в детдом от киоска, ещё за два дня до гибели мальчика. Хашим-ока тоже это слышал.

Молча попили чай, подумали, и опять старший, Карим-ока, вынес вердикт: пусть спокойно живёт, но вы берегите её; слишком красивая, говорят; пусть по нашему обычаю и она, и другие ваши женщины и девочки не выходят одни, без сопровождения, не надо никого дразнить.

– Это я уже понял, – согласился Илья Маркович, радуясь успеху переговоров.

На следующий день жена Хашима принесла Марусе национальное платье, не новое, но вполне приличное, хорошо маскирующее фигуру.

– Нельзя быть такой красивой, как ты. Это не подарок от Аллаха, а наказание. Тебе бы ещё паранджу надеть, так ведь и она красоту не скрывает. И пока убирай волосы под платок, когда с территории выходить будешь. Тебя, бедняжку, и защитить-то некому.

Илья Маркович спокойно мог теперь решать другую сложнейшую задачу – получить документы на взрослых и детей, которые остались без паспортов и свидетельств о рождении. Не было раньше подобных ситуаций, и не очень компетентные служащие не знали, что и по каким параграфам им надлежит делать. Юристы, конечно, подсказали, что удостоверение личности проводится через суд, при наличии трёх свидетелей это не так уж и сложно. Но где найти свидетелей детям? Как ориентироваться в показаниях самих детей, которые ну никак не могли дать чёткие и определённые данные? Можно ли военкоматские справки, не совсем юридически правильно оформленные, считать свидетельскими показаниями? А без документов, удостоверяющих личность, нельзя зачислить человека на работу, а без зарплаты – поставить на довольствие.

А на основании чего писать приказы на детей, поступивших без свидетельств о рождении, только с сомнительными справками из детприёмника с пометками «записано со слов ребёнка»? Илья Маркович был физик, человек с математическим складом ума. Он чётко определил задачу, поручил, кому нужно, подготовить необходимые письма, привести в надлежащий вид имеющиеся документы, подключил юристов, и паспорта и свидетельства о рождении были по всем правилам оформлены.

А коллектив детдома, дети и взрослые, выбирали в это время название своему дому, в котором предстояло жить долго и, по возможности счастливо. Предложения поступали самые разные, в зависимости от сказок или рассказов, которые выслушивали дети на сон грядущий: аленький цветочек, или три богатыря – имелись в виду три орешины, или наш дом имени Робинзона Крузо. Фантазиям не было предела. Остановились всё-таки на названии «Ореховая роща» – красиво и привычно. Ведь так называли это место местные жители уже больше ста лет. Скажи: «Ореховая роща» – и все знают, о каком месте идёт речь. Теперь при входе в детский дом висела красивая табличка: на темно-синем фоне строгими белыми буквами было написано название детдома «ОРЕХОВАЯ РОЩА» и помельче – адрес.

– Мы должны любить свой дом, – часто повторял Илья Маркович, – и дом будет любить нас.

Эти слова стали своеобразным девизом, и дети постоянно повторяли их в своих играх и разговорах.

Постепенно начался расцвет «Ореховой рощи». После всего пережитого неизбежные трудности организационного периода воспринимались всеми спокойно, и обязательно находились возможности их преодоления. Никто не думал, что придёт добрый волшебник и обеспечит всех воспитанников красивой школьной формой: девочкам – голубые платья и белые фартуки, мальчикам – белый верх, тёмный низ, всем – подходящую по сезону и размерам обувь. Маруся и Марьяна Яковлевна с группой старших девочек организовали в кастиелянной настоящий цех по переделке совершенно нелепой одежды, которую получили в снабпросе – организации, которая должна была материально обеспечивать учреждения просвещения – дет-

сады, детдома, интернаты... Вся работа делалась вручную, пока Назира, жени завхоза, не принесла из дома свою ручную швейную машинку, а ещё позже получили в подарок ножной Зингер. Научились подгонять по размеру даже брюки и рубашки для мальчиков, нашили носовых платков, простеньких для мальчиков и с маленькими вышивками и самодельными кружавчиками для девочек. Прохладная погода в этих краях наступала ближе к ноябрю, и пока не было проблемы с обувью: всем выдали одинаковые сандалии, не очень красивые, зато прочные. За физическую подготовку детей отвечал Иван Дмитриевич, в прошлом известный спортсмен, который на белом коне даже возглавлял республиканские спортивные парады. Одевался он сам элегантно и даже щеголевато и требовал от администрации нормальной спортивной одежды для занятий спортом, чтобы не смеялись над детдомовцами на уроках физкультуры и на озере, где он сейчас по договорённости с администрацией парка учил детдомовцев плавать, используя спортивную базу клуба пловцов-спортсменов, которая пустовала из-за войны. С его помощью и с учётом возможностей выбрали фасоны спортивных трусов для мальчиков и шаровар для девочек и нашили необходимое количество комплектов. Анна Тихоновна принесла из дома самую настоящую прялку и из шерсти, купленной на рынке на собранные деньги от всех желающих, вытягивала и скручивала толстые нити, которые сматывались в клубки. Несколько детей с любопытством сначала наблюдали за этим процессом, а потом стали учиться вязать простенькие шарфики и жилеточки для себя, а позже обвязали всех тёплыми носочками.

Всех детей пристроили по желаниям и талантам в кружки по интересам в Дома пионеров, станции юных техников, натуралистов, в спортивные секции, которые, к счастью, работали, несмотря на военное время. Для детей, которые особенно страдали от потери близких, организовали почтовую службу: они писали запросы в различные организации, занимающимися поиском пропавших.

Самое сложное дело было организация нормального питания на те мизерные копейки, которые выделялись на каждого ребёнка. Продукты питания были крайне низкого качества, иногда просто непригодные к употреблению. Это была головная боль директора, завхоза, медсестры и повара. Директору пришлось пару раз наведаться на базу, которая обеспечивала продуктами учреждения просвещения, и пообещать устроить радикальную проверку работы базы, чтобы исключить недовесы и без того бедного провианта. «Он может!» – шепнул кому надо Хашим-ока, осторожным взглядом указывая на Илью Марковича, так кстати похожего на наркома внутренних дел. Наверное, следуя такой же методике, они добились очень трудного разрешения получать в счёт госпоставок положенную норму мясных и молочных продуктов непосредственно из колхозов, расположенных за речкой, на берегу которой располагался и детский дом с ореховой рощей, и граничащий с ней городской парк с озером, вырытым почти вручную по инициативе комсомола перед войной, и мясокомбинат с другой стороны. Действительно, было совершенно непонятно и неразумно колхозам и мясокомбинату выдавать детдомовскую норму продуктов базе, расположенной на другом конце города, и потом везти эти скоропортящиеся продукты назад. Холодильников ведь не было, а жара летом была выше 40 градусов, и перевозили эти продукты не на быстрых автомобилях, а на двухколесной тележке, которую не спеша тащил ишачок.

Не было проблем с теми продуктами, которые неохотно использовались местным населением: гречка, пшено, перловка, овсянка, чечевица, рыбий жир. Каждый завтрак начинался с того, что при входе в столовую Наш Па первый макал маленький кусочек хлеба в тарелочку с рыбьим жиром и съедал его со словами: «Ну очень вкусно!», а потом уже за ним все остальные даже с удовольствием получали свою порцию этой закуски, а потом молочную кашу, каждый день недели разную: понедельник – манная, вторник – гречневая, среда – овсяная, четверг – рисовая, пятница – пшённая, суббота и воскресенье – свежее испеченные булочки с какой-нибудь начинкой. У Евдокии Гавриловны в медпункте на столе в мисочке лежали кусочки мела и чистой глины, и дети, которым по-видимому не хватало кальция, перестали выковыривать

и есть глину из дувалов, глинобитных заборов, огораживающих территорию детдома. А инициатором этого была Маруся. Уж ей-то, вернее ребёнку, которого она вынашивала, уж точно не хватало кальция, и она первая нашла по запаху эту глину, с жадностью ела её, и говорила Евдокии Гавриловне, что глина такой же консистенции, как шоколад, только ещё вкуснее.

На обед всегда был вкусный суп из костей, которые варились 3-4 часа на медленном огне, чаще всего наполненный чечевицей или другими бобовыми. На второе дети получали макаронные изделия или картофель с овощами и мясным соусом, компот из сухофруктов. Ужинали, как говорится, чем Бог послал: хлеб с маслом и джемом, печенье на яичном порошке и сухом молоке, обязательно сладкий чай. Не голодали, конечно, но старшим, особенно мальчикам, всё время хотелось поесть. По инициативе Маруси зародилась новая традиция. Она должна была вот-вот, в конце сентября, родить и готовилась к этому событию: посоветовалась с Хашимом Умаровичем и его женой Назирой, как ей устроить пир на весь мир, то есть накормить всех пловом досыта, за счёт продажи золотой цепочки из бабушкиного подарка. Кулон она прикрепила к серёжкам и колечку. Хашим Умарович нашёл старого знакомого ювелира, рассказал ему историю Маруси и получил необходимую сумму для организации праздничного плова. В последний вторник сентября в 5 часов утра у неё начались схватки, она с Евдокией Гавриловной и Марьяной Яковлевной не спеша пошли в роддом, который был в 15 минутах ходьбы от Ореховой рощи. Анна Тихоновна, перекрестив их, пошла присматривать за малышами, с которыми работала ночным воспитателем Маруся. В 9 часов благополучно родился мальчик на радость всем обитателям Ореховой рощи. Пришлось даже составить расписание посещений для желающих немедленно бросить все текущие дела и бежать поздравлять Марусю с сыном. В субботу утром её с ребёнком забрали из роддома Илья Маркович с Доминикой Митрофановной и Хашим Умарович с Назирой. Как подарок она получила новые документы – паспорт для себя и свидетельство о рождении для Андрея, так она решила назвать сына. «Надо же, как повторилась ситуация, – удивилась про себя Маруся. – Когда я Санечку родила, тоже надо было решать проблему с документами, и папа всё решил к моей выписке из роддома». А дома, в Ореховой роще, дети, вернувшиеся уже из школы, стояли в два ряда вдоль дорожки, ведущей к домику, где жила Маруся с двумя Бабочками – так называл маленький Саня Марьяну Яковлевну и Евдокию Гавриловну, потому что не мог ещё не только выговорить их имена-отчества, но и правильно сказать слово «бабушка». А все дети очень любили обеих женщин, и с радостью стали их так называть, что было очень трогательно и красиво: Бабочка Дуся и Бабочка Яна.

Маруся даже не ожидала такой встречи. Всем дали возможность Андрея подержать, поздравить и поцеловать маму, как в каждой семье, в каждом нормальном доме. К обеду был готов шикарный, вкусный, сытный плов с горохом специального сорта, который, замачивая за сутки раньше, добавляли именно в праздничный плов, с кусочком мяса в каждой порции. Поздравляли на этом обеде не только Марусю с Андреем, но и всех, у кого в сентябре был день рождения. На ужин к чаю испекли рулеты из сдобного теста с ореховой начинкой. Орешины уже начали сбрасывать свой урожай, ребята подкармливались орехами, а когда Назира предложила сделать на праздник что-то печёное, они быстро насобирали два ведра орехов и накололи их. Так родилась традиция два раза в месяц, во вторую и четвертую субботу, праздновать дни рождения тех, кто в этом месяце родился. Средства на эти мероприятия выделяли взрослые работники детского дома из своей зарплаты, а оформлялись эти мероприятия как подарок и помощь детдому от махалли. Так посоветовала бухгалтер Софья Андреевна, чтобы избежать объяснений с возможными проверяющими, которым очень сложно будет объяснить, как это так работники детдома вместо того, чтобы тащить с места работы всё, что плохо лежит, что-то своё в него вкладывают.

Другая почти неразрешимая проблема была связана с соблюдением правил гигиены и санитарии. Евдокия Гавриловна сразу переставала быть ласковой Бабочкой Дусей, когда она

как медсестра осуществляла контроль за соблюдением этих правил, когда в столовой, на кухне, в туалетах видела мух или других насекомых, когда в медпункт приходили дети с расчёсанными комариными укусами, когда при периодическом контроле находили вшей у школьников, и это при полном отсутствии каких-либо средств борьбы с такими напастями. Хорошо ещё, что была хлорка, горчица для мытья посуды, страшное на вид хозяйственное мыло, которого было совершенно достаточно, потому что им не пользовались местные жители, считая, что его делают на базе свиного жира, а это оскверняет мусульман. Медсестра всех затюкала своими требованиями, которые, конечно, были безусловно справедливыми, но трудновыполнимыми, и мальчики в своей уборной даже повесили шуточный лозунг: Здесь начинается культура!

Минимальные условия для выживания, учёбы, занятости были созданы, и Илья Маркович ставил новые цели: «Дети не должны забывать прошлое и перенесённые страхи, боли, потери, страдания. Но мы все должны жить полноценной жизнью, с надеждами и уверенностью в нормальном будущем, с возможностями своего выбора профессии, работы, с правами и гарантией безопасного проживания в любой точке страны. Уже сейчас мы должны научить детей радоваться жизни, уже сейчас мы можем дать им то, что они хотят, дать праздники, развлечения, подарки, а не только выживание в суровой реальности войны. Никто не знает, сколько времени продлится эта битва за свободу страны, но мы все уверены в нашей победе. Это будет самый большой наш праздник. А сейчас до конца года мы должны достойно подготовиться и провести две даты – День 7 Ноября и Новый Год. Жду ваших предложений.» Таким образом жизнь вошла в нормальное рабочее русло, со всеми радостями, огорчениями и неожиданностями, а всего этого в коллективе, где сто разновозрастных детей и более двадцати взрослых проживают вместе, было предостаточно.

Ко всеобщей радости, начался процесс удочерения-усыновления. Первой взяли в семью Галочку, шестилетнюю тихоню из эвакуированного детдома. Парикмахер дядя Федя по договору должен был один раз в месяц работать в Ореховой роще. Детям с первого посещения дяди Феди было рассказано и показано всё об этой профессии, двое ребят очень заинтересовались этой работой и стали учениками парикмахера, который подарил им комплект необходимых инструментов, включая машинку для стрижки. Эти ученики несколько раз в неделю приходили к мастеру в парикмахерскую, где выполняли его задания. Дядя Федя и его жена Прасковья Семёновна были бездетные, уже в возрасте под сорок лет, местные и уже давно решили взять на воспитание ребёнка из детского дома, но не грудничка, а постарше, лет пяти. Вот Галочка и приглянулась им. Родители её еще до войны погибли в какой-то катастрофе, других родственников, которые хотели бы взять на воспитание девочку, не нашлось, и так она попала в детдом, а потом была эвакуирована. Илья Маркович очень серьёзно относился к вопросам удочерения, но эта семья ему безусловно понравилась, тем более, выбрав сироту Галочку, они решили было и её братишек (как все дети в детдоме называли друг друга), которые были учениками дяди Феди, тоже взять в семью, но они по документам считались не сиротами, а потерявшими родителей, поэтому существовала крохотная надежда, что родители могут найтись. На них оформили опеку, и так образовалась полная семья, совершенно благополучная, как показало будущее.

Вместо этих трёх выбывших прислали двух – девочку и мальчика. Эту удивительную девочку звали Нина Серебряная. Удивительную, потому что она была похожа на красивую дорогую куклу, только очень грязную: большие голубые глаза с длинными ресницами поражали своей пустотой и спокойствием, аккуратный носик ровненько шёл от лба без всяких впадин. Переносица ведь очень часто формирует красоту, совершенство лица. Волосы были густые, светлые, явно давно немытые, кожа молочно-белая, ножки идеально ровные, обутые в красивые открытые туфельки, каких и до войны не было в магазинах, платьице было тоже не из товаров широкого потребления, как называли одежду для всех.

– Наплачетесь вы с ней, – сказала на прощание сопровождающая воспитательница из детприёмника.

Илья Маркович сразу передал девочку Марусе. В комнате гигиены, куда привела грязную Марусю, ни о чём не расспрашивая, она предложила ей:

– Радость моя, тебе не хочется вымыться и переодеться? Платье-то – не первой свежести, – говоря это, Маруся зажгла в железной буржуйке огонь. Так было заведено, что в комнате гигиены буржуйка всегда готова к использованию, достаточно поджечь бумагу – и загорятся дрова, а потом и уголь, и через несколько минут в большом пятилитровом чайнике будет горячая вода.

– Но у меня нет другой одежды.

– Давай подберём из того, что у меня есть. Вот новые трусики и маечка, а твои трусики и платье мы постираем и погладим, – Маруся уже выбрала, что ей предложить, и девочка серьёзно и молча рассматривала маечки и сарафанчики.

– Это мне не подходит.

– Но это же временно, пока твоя одежда не высохнет. Смотри, как разгорелась печка, какой жар от неё идёт: через 15 минут всё будет сухое, а там разберёмся, – мягко уговаривала Марусю. – А волосы ты сама можешь расчесать?

– Нет.

– А я могу тебе помочь?

– Конечно.

И они занялись делом: расплели косы и прядь за прядью терпеливо распутывали давно не чёсанные волосы. Маруся знала, что в детприёмник попадают разные дети, там должен быть санитарно-эпидемический карантин, но было не до правил: детей поступало столько, что их без задержки отправляли по детдомам. Поэтому приходилось принимать детей с педикулёзом, с болячками и только температурающих и явно инфицированных можно было отказать брать. Волосы Нины расчёсывали специальным частым гребешком над белым полотенцем, и вши посыпались.

– Ты видишь? – показала ей Маруся.

– Это у меня? – опять спокойно, без всяких эмоций спросила девочка. Маруся кивнула головой и спросила:

– Ну и что будем делать?

– А что можно?

– У нас есть три возможности, – как со взрослой разговаривала Маруся с восьмилетней девочкой. – Состричь и сжечь волосы и отрастить в чистоте новые, или несколько дней вычёсывать паразитов вот этим гребешком, или один раз намазать волосы керосином на пару часов и сразу избавиться от них. Это, конечно, варварство, но зато эффективно. Думай, у нас время есть.

Вшей вывели керосином, которым щедро протёрли каждую прядь, туго завязали голову полотенцем, замочили одежду Нины мыльно-содовым горячим раствором в тазике, а пока обе, в длинных рубашках, сидели на табуретках и ели пирожки с картошкой, запивая их компотом. Это Назира позаботилась о них и принесла еду с кухни. За два часа, необходимых для этой процедуры, постирали одежду Нины, высушили над жаркой буржуйкой и тщательно прутюжили каждый шов. Между делами, Маруся начала рассказывать про себя, чтобы разговорить девочку: неизвестно, жив или нет её муж, сыновья в детдоме, здесь она работает и живёт, вместе с медсестрой и кастеляншей, потому что они все тоже эвакуированные, потеряли всех близких, сами, слава Богу, остались живы, но пока все без крыши над головой. Нина, вроде бы утешая Марусю, тоже стала рассказывать про себя: жила спокойно с папой, мамой Лизой и няней Надей, мама играла на рояле, а где работал папа, никто не говорил. За ним приезжала машина, он по несколько дней мог не быть дома, а потом уехал совсем надолго. Когда начали

бомбить, их должны были отправить в тыл, так сказали маме по телефону. Тыл – это место, где не было войны. Няня Надя не могла с ними поехать, у неё была ещё мама, двое детей и другие родственники, и всех взять не могли, а Надя не хотела их бросать. Мама с Надей всю ночь собирали вещи, а машина за ними не приехала. Тогда мама отправила Нину к Наде, они решили, что там будет безопаснее. Мама надела на Нину вот эту рубашечку и строго-настрого запретила её снимать, потому что она на ней незаметно вышила адрес, по которому она в любом случае может быть найдена, если потеряется. Три дня она пожила у Нади, причём она прятала её в сарае, даже родственники не видели её, а на третью ночь Нину потихоньку взяли двое мужчин, и не следующий день она была уже в группе эвакуированных детей в поезде. А дальше уже всё перепуталось, не запомнилось, а в детприёмнике её хотели постричь и поменять одежду, поэтому получился скандал.

Выкупанную, вычищенную, переодетую во всё чистое и проутюженное Нину Маруся повела по Ореховой роще, чтобы она выбрала себе место для проживания здесь, если она захочет остаться. Познакомила с почтовой группой, которая вела всю переписку по розыску родственников, что чрезвычайно заинтересовало Нину. С разрешения Нины Маруся оставила этой группе адрес с рубашечки Нины, который был переписан ими перед стиркой. Через неделю она уже освоилась, все её дружелюбно приняли, а из взрослых она выбрала себе в наставники бухгалтера Софью Андреевну, которая восхищалась способностями Нины, интересом ко всем бухгалтерским действиям и говорила Илье Марковичу, что девочка видит поток и движение денежных средств, и если ещё сейчас по малолетству и недостатку опыта не может менять направление этих потоков, то в будущем она несомненно будет этим заниматься, для неё яснее ясного все ситуации, связанные с финансами, и пророчила, что из неё получится в будущем выдающийся экономист. Поскольку Нина выбрала для себя на будущее финансовую карьеру, она часто сидела с Софьей Андреевной в комнате администрации, выполняла её поручения и в доступной для себя форме получала информацию. Софья Андреевна начертила схему, выделила каждую статью бюджета: зарплата педагогов, питание, одежда, отопление, кружковая работа и т. д. Для Нины всё это звучало, как песня. Она поняла для себя, что экономика – это самое важное в жизни не только для государства, но и для каждой организации, для каждой семьи. Софья Андреевна была очень довольна такой ученицей и пророчила ей большое будущее, но даже в самых смелых своих мечтаниях она представить себе не могла, что на самом деле получит от жизни её юная помощница.

Софья Андреевна намеревалась даже удочерить девочку, хотя у неё своих было трое, но Илья Маркович ни на какие уговоры и просьбы не поддавался: пока у любого ребёнка не будет документов о смерти родителей и отсутствии других родственников, никакой речи о передаче детей в семьи не может быть. Только круглые сироты. А у Нины таких и вообще каких-либо других документов не было, кроме вышивки на рубашечке.

На субботу и воскресенье Софья Андреевна забирала Нину к себе домой, что, конечно, облегчало Нине пребывание в детском доме, что, судя по всему, было совсем для неё непривычным. Она бы выбрала себе в мамы Марусю, но у Маруси были свои два маленьких сына, а на роль третьей ей не хотелось, а точнее не могло, если можно так выразиться, быть. Ещё до приёма детей в детдом Илья Маркович попросил женщин, которые со своими детьми вынуждены были жить здесь до получения жилья, чтобы дети называли своих мам по имени-отчеству, как и все остальные воспитанники, иначе это могло задевать некоторых детей, которые только-только потеряли своих мам и вообще всех родственников. Все с этим согласились, и только маленький Санечка долго не мог свою маму называть Марусей, как остальные дети. Потом он всё-таки нашёл компромисс и стал называть её мама Мауся, не выговаривая звук «р», а вслед за ним сначала младшая группа, которую она вела, стала так её называть, а после рождения Серёжи она уже для всех взрослых и детей стала мама Мауся. Даже иногда Илья Маркович на ежедневных пятиминутках мог сказать: «Это поручается маме Маусе», и поправиться после

дружного смеха. Для Нины она тоже была мама Мауся, при встречах Маруся крепко прижимала её к себе, целовала непременно в голову, называя при этом нежными, ласковыми словами: радость моя, лапочка, умница-красавица. Больше никому Нина не позволяла целовать и обнимать её.

Со всеми детьми Нина общалась мирно, всегда легко отдавала всё, что от неё хотелось получить другим. Правда, кое-кто говорил, что это от глубокого безразличия ко всем вместе и к каждому в отдельности, но в целом, даже если это было безразличием, оно было прекрасной базой бесконфликтных отношений с ней. Взрослых она умиляла своей серьёзностью, обстоятельностью и независимостью, а дети её любили: мальчики видели в ней принцессу и общались с ней по-рыцарски, а девочки принимали Нину без всякой зависти, что само по себе удивительно, и были готовы при первой возможности ей угодить. Она давала подружкам возможность одевать её, как куклу, а сапожник Рома только ей одной красил её обувь в разные цвета, подходящие одежде. В общем, она позволяла всем опекать её, и все – и она, и желающие опекать – принимали это как должное. Единственной заботой для неё была вышивка-запись с её данными на рубашечке. Она из неё быстро выросла, и Маруся аккуратно этот кусочек вырезала и накрепко пришила к новой маечке, конечно, с согласия Нины и в её присутствии.

Письма-запросы по поиску родителей или других родственников всех воспитанников детдома, в том числе и Нины, детская почтовая служба Ореховой рощи рассылала регулярно по всем возможным и невозможным адресам. Помимо этого, Илья Маркович неофициально данные об этой девочке сообщил всем своим друзьям, знакомым, которые хоть как-то могли донести информацию до заинтересованных лиц, а он хорошо знал эффективность такого участия иногда совершенно незнакомых людей. А пока Нина безмятежно и беззаботно, как казалось со стороны, жила в Ореховой роще. Из всех окружающих она только к одному мальчику относилась с некоторой заинтересованностью. Это был двенадцатилетний Дилмурод, который поступил в детдом на два дня позже Нины. Невозможно представить себе более разных людей, чем эти два ребёнка, хотя Дилмурода с большой натяжкой можно было ребёнком назвать. Она, беленькая, ухоженная, воспитанная, по всей видимости, в очень благополучной семье, и он, высокий для своих лет смуглый подросток, вообще никаким воспитанием не облагороженный и не отягощённый. Он ещё маленьким ребёнком понял, что много рассказывать о себе не стоит, хотя бы потому, что никому до него дела нет. Никому не нужен, никому не интересен. Поэтому про свои первые приюты он никому не рассказывал. Ещё маленького определили его в отдалённый от центра области дошкольный детдом, про который он ничего не помнил, потом в школьный. В это захолустье редко кто приезжал из надзирающих организаций, и царили там свои порядки, вернее беспорядки. Здание ещё дореволюционной постройки совершенно не было пригодно для проживания. Единственную более-менее приличную комнату отремонтировали и сделали директорским кабинетом. В остальных комнатках глиняные полы застелили стёгаными ватными одеялами, старыми, свалявшимися, дурно пахнущими, на которых и спали более пятидесяти мальчиков. Девочек в такие детдома не направляли, от скандалов подальше. Директор едва умел читать-писать, никаких представлений о педагогике, да и вообще о совети, не имел, документацию никакую не вёл. Сам он и некоторые так называемые воспитатели показывались там изредка, наверное, когда нужно было получать зарплату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.